Кошка, шляпа и кусок веревки (сборник)

Автор:
Джоанн Харрис

Кошка, шляпа и кусок веревки (сборник)

Джоанн Харрис

Что общего у призрачных обитателей старинного дома, скандинавских богов и двух пожилых дам? Примерно то же, что у кошки, шляпы и куска веревки. Каждому из них Джоанн Харрис отвела особую роль в своих рассказах. Она сложила из них хитрую головоломку, где даже незаметная деталь легко нарушает общий рисунок. Так, во Всемирной паутине опасная игра-ловушка может превратиться в место для встречи влюбленных, а рождественский праздник – в коридор между реальным миром и миром воспоминаний. Главное – помнить, что во всех мирах, созданных Джоанн Харрис, нет места предсказуемости и каждая история, как и шкатулка с секретом, не обходится без двойного дна.

Джоанн Харрис

Кошка, шляпа и кусок веревки

Крису, от рассказов которого всегда кровь стынет в жилах

Предисловие

Однажды во время интервью мне был задан такой вопрос: «Если бы вам пришлось высадиться на необитаемый остров, какие три вещи вы взяли бы с

собой?»

И я довольно легкомысленно ответила: «Кошку, шляпу и кусок веревки». Отчасти потому, что мне понравилась эта веселая, беспечно-хвастливая фраза; и потом, все эти вещи действительно обладают многочисленными потенциальными возможностями – как вместе, так и по отдельности, – что и делает подобный выбор не просто суммой трех произвольных слагаемых.

Ну, кошку я бы взяла для компании. Шляпу – чтобы прикрыть голову от солнца. А кусок веревки можно использовать в самых различных целях, в том числе и для игры с кошкой; с ее помощью, например, легко удержать шляпу на голове даже при сильном ветре. Возможен также следующий сценарий: из шляпы и веревки делается примитивная верша для ловли рыбы (предположительно, чтобы накормить кошку). Или иной, менее привлекательный вариант: я делаю из веревки удавку для кошки, а кошачью тушку готовлю себе на обед, используя шляпу в качестве сотейника. (Если честно, я даже представить себе не могу, что мне когда-либо захочется съесть кошку, но кто его знает, как оно обернется, если я надолго застряну на необитаемом острове?) В общем, по-моему, можно придумать еще сотню вариантов использования трех этих вещей.

Рассказы в этом сборнике как бы немного сродни бредовой идее насчет необитаемого острова, кошки, шляпы и куска веревки. С первого взгляда может показаться, что они совершенно между собой не связаны, но в итоге вы поймете, что множеством нитей они связаны не только друг с другом, но и с некоторыми моими романами: то действие происходит в местах, уже отчасти знакомых по иным описаниям, то встречаются уже знакомые персонажи. Хотя некоторые истории, разумеется, стоят особняком – во всяком случае, на сегодняшний день это так, но это отнюдь не означает, что так будет всегда. Зачастую рассказы являют собой для меня нечто большее, чем простая сумма их непосредственных составляющих; я воспринимаю их скорее как некие незавершенные географические карты миров, которые до конца еще мною не открыты и которые только и ждут, чтобы кто-то взял карандаш и провел между определенными точками те соединительные линии, которые сумел обнаружить.

Как я признавалась в сборнике «Jigs and Reels»[1 - В русском издании «Чай с птицами», издательство «Эксмо», 2010. – Здесь и далее примечания переводчика.], сюжеты рассказов далеко не всегда даются мне легко. Порой их выносит на берег моего необитаемого острова (мы говорили о нем чуть раньше), точно плавник или случайный груз с утонувшего судна; порой я привожу их

домой из своих странствий; а порой они бренчат и грохочут у меня в голове месяцами – а то и годами, – как монетки, случайно угодившие внутрь пылесоса, пока я не выпущу их на волю. Так или иначе, я надеюсь, что благодаря этим историям вы сможете чуть дальше заглянуть на территорию, пока мной до конца не исследованную, и, возможно, встретитесь там со старыми друзьями или обретете новых. Только не забудьте захватить с собой кошку и шляпу – а уж с помощью достаточно длинного куска веревки вы всегда сумеете отыскать дорогу домой.

Песнь реки

Рассказы вообще-то похожи на русских матрешек: открываешь их одну за другой и в каждой находишь новую, поменьше. Вот этот вот я написала, когда ездила в Конго с организацией «Medecins sans Frontieres»[2 - «Врачи без границ» (фр.).]. Уже одно то, почему я там оказалась, – отдельная история. В Браззавиле мне довелось познакомиться с группой мальчишек, совсем еще маленьких, которые изобрели весьма оригинальный (и очень опасный) способ зарабатывать на хлеб. Собравшись под верандой одного из немногих уцелевших в городе ресторанов, они за жалкие гроши, а то и за горсть объедков были готовы развлечь посетителей тем, что прыгали в воду в самом опасном месте, у тамошних порогов, затем выплывали на стремнину и как бы сплавлялись вниз по течению, а течение в этих местах поистине бешеное[3 - В этом месте так называемая Впадина Конго имеет ступенчатое строение, и порожистые участки чередуются со спокойным течением, а русло представляет собой цепочку озеровидных расширений, самое большое из которых, Малебо, имеет в длину 30 км, а в ширину 25 км; оно разделено островом Баму на два рукава с мелкими островками и отмелями; как раз у юго-западной оконечности Малебо и расположены Киншаса и Браззавиль. Здесь, в нижнем течении Конго, вода падает с высоты 270 м, образуя 70 порогов и водопадов («водопады Ливингстона»), и с бешеной скоростью устремляется к океану, опресняя в нем воду на 75 км от берега.]. Эти дети – среди них не было ни одного старше десяти лет – по двадцать раз на дню рисковали жизнью, зачастую лишь ради недоеденной кем-то куриной ножки или куска хлеба. Но самое главное – они, похоже, и сами получали удовольствие от своего опасного занятия.

Ну, река-то всегда рядом. Так любит приговаривать Мама Жанна, и выражение лица у нее при этом делается как у наших стариков, когда они спорят о чем-то уж совсем непонятном: например, почему аэроплан удерживается в воздухе или почему Господь сделал муху цеце летучей. Словами про реку Мама Жанна отвечает на все – на жалобы, на вопросы, на слезы. Все дело в реке, говорит она. А ведь и правда: Конго всегда рядом.

Уж я-то знаю, что она всегда тут: я всю жизнь на нее смотрю. И характер ее мне хорошо известен; она похожа на свирепого пса: иной раз вздумает поиграть с тобой, да тут же и вцепится в глотку, словно решив, что уж больно ты разыгрался. Я все про нее знаю: и где рыба лучше всего ловится, и где лучше всего купаться, и где течение самое быстрое, и где притаились коварные отмели. На реке Конго я знаю каждый островок, каждую песчаную косу и, конечно, то место, где несколько лет назад застрелили последнего гиппопотама. Хотя, если послушать, что об этом рассказывают, так получится, что в тот день туда сбежались все жители Браззавиля – а раз так, надо было этого старого бегемота прямиком в Библию поместить – рядом с историей о чудесном исцелении бесноватого и не менее чудесной ловлей рыбы в Галилейском озере. Хотя, как говорит Мама Жанна, все рыбаки и охотники и на свет-то родились только для того, чтобы врать.

По-моему, и тут все дело в нашей реке; похоже, это она их врать заставляет.

Здесь и правда всякие истории словно сами собой собираются. Точно водяные гиацинты, они приплывают сюда с севера вместе с течением, расцветая и размножаясь прямо на ходу. Например, история о трех колдунах, или о мальчике-орле, или о рыбе-дьяволе – между прочим, эта рыба такая громадная, что запросто может даже бегемоту хребет перекусить, а крокодила и вовсе в один присест проглотит. Ну, это-то, по крайней мере, правда; у меня и доказательство есть: зуб рыбы-дьявола! Я его выменяла (на сигарету и полпалочки жвачки) у одного парня с баржи. Между прочим, зуб этот длиннее моего пальца! Я проделала в зубе дырочку, продела в нее кусок проволоки и теперь всегда ношу зуб рыбы-дьявола на шее, хотя Мама Жанна и пытается меня убедить, что этого делать не следует, потому что в этом зубе заключена черная магия. Кроме того, она считает, что не годится десятилетней девочке болтаться среди речных барж.

Мама Жанна говорит, что если бы она была моей матерью, то научила бы меня и готовить, и шить, и заплетать волосы в косички, а потом красиво их укладывать,

чтобы легче было поймать себе мужа. «Вот каким уловкам ты должна учиться, девочка, – говорит она мне, – вот каков должен быть твой улов, а не какая-то мерзкая старая рыба-дьявол, которую ты бы и съесть-то не смогла, даже если б сумела вытащить ее из воды». Но я и сама могу о себе позаботиться, и мне вовсе не обязательно делать то, что велит Мама Жанна. И потом, она ведь сама говорит: люди приходят и уходят, а река всегда рядом.

На речных порогах мы работаем вчетвером: Мартышка, Усач, Голливудский Красавчик и я. Конечно, это не настоящие имена. Настоящее имя – это ведь тайна, великая тайна. Так что у меня, например, прозвище Нгок, что значит «крокодил» – это потому, что я здорово плаваю. А хорошо плавать – это и есть главная наша забота и работа.

Как раз на границе нашей территории находится ресторан «Les Rapides»[4 - «Пороги» (фр.).]. Это такой большой дом, весь белый, с просторной верандой, нависающей над водой. До войны посетителей там было много, но теперь ресторан редко бывает полон хотя бы на четверть; туда приходят в основном бизнесмены в серых костюмах с квадратными плечами, или хорошенькие женщины с крашеными волосами в таких воздушных платьицах с оборками, или солдаты и мелкие чиновники; иногда, правда, бывают там и важные mendele – белые люди, приехавшие, как я понимаю, по делу; вот только настоящих туристов там давно уже не бывало. В ресторан люди ходят, конечно, затем, чтобы вкусно поесть – trois-pieces и pili-pili[5 - Обед из трех блюд и рис (фр.).] с жареными бананами; печеная тыква с черным рисом и арахисовым соусом; крокодилье мясо с блинчатым пирогом фуфу и фасолью. Даже голова кружится, стоит мне подумать, сколько там готовят разной вкусной еды; а еще там, например, подают помидоры, буквально плавающие в масле, и жареную речную рыбу, и свежий белый хлеб с хрустящей корочкой, и жареных цыплят с пылу с жару, и маниоку, и горошек. Конечно же, ведь люди и приходят туда, чтобы вкусно поесть – это само собой, – но их манит еще и река, ее пороги и водопады. С веранды ресторана видно далеко-далеко, на много миль окрест; видна даже Киншаса на том берегу, где горят костры; река там несется, как бешеная, так и скачет, так и крутит, так и завивается меж валунами, поднимая в воздух целые тучи водяной пыли. Правда, возле Хиппо-айленда, острова Гиппопотама, еще страшнее – там течение образует самый настоящий, жуткий, желто-серый водоворот; но и здесь течение тоже ого-го, а уж грохот стоит…

«Словно стадо слонов идет» – так Мама Жанна говорит. Стадо огромных коричневых слонов, у которых ноги толщиной с пальмовый ствол. Я, правда,

пока еще ни одного слона не видела, но в столичном зоопарке есть череп одного гигантского слона, так он величиной с кабину грузовика – белый, как мел, и ноздреватый, а из беззубого рта торчит потрескавшийся бивень.

«Словно воскресное утро», – говорит Мартышка; словно хор в церкви; словно танцы; словно грохот барабанов.

«Словно вертолеты», – говорит Усач, если, конечно, вообще сподобится хоть слово произнести. Словно минометы и артиллерийские снаряды; словно треск выстрелов, похожий, по-моему, на вжиканье белья по стиральной доске. «Словно шум от радиопомех, – прибавляет Голливудский Красавчик, – когда шаришь в эфире, пытаясь поймать нужную частоту», – и это правда: оттуда и впрямь доносится этот фантастический мертвый шепот, шелест, скрежет, царапанье.

У реки для каждого своя песня, говорит Мама Жанна, и все эти песни разные и никогда не повторяются. Вот почему люди на самом деле приходят в «Les Rapides»: не столько из-за вкусной еды или потрясного вида с веранды, укрытой от солнца ветвями манговых деревьев, сколько из-за реки, ее звуков, ее бешеного течения, ее властного зова, ее песни. Я знаю, что это именно так; впрочем, другие тоже это понимают. Даже наш Усач с этим согласен, хотя ему уже четырнадцать, и он уверен, что знает больше всех. Вот почему наша работа на реке – это не просто работа.

Что вовсе не означает, что мы – не профессионалы. Кто-то зарабатывает себе на жизнь, вырезая всякие штуки из дерева; кто-то идет служить в армию; некоторые на рынках подрабатывают, или водят такси, или просто торгуют на обочине дороги. А мы работаем на реке. Точнее, на речных порогах.

Наши пороги – это хайвей для всех видов приработка. Рыбаки ставят сети и верши, камнетесы бьют щебень на прибрежных скалах, прачки стирают белье, а воры… ну, они тоже заняты своим ремеслом. Я всех этих людей хорошо знаю: мальчишек с вершами, старых рыбаков в пирогах, сборщиков мусора с длинными шестами и мешками. А чуть ниже по течению есть очень удобная бухта – отличное место для купания. Там Мама Жанна обычно и моется, и стирает. А купаются там в основном женщины да малышня; мы там не плаваем. Еще не хватало! Наше излюбленное место гораздо выше по течению; это участок берега от ресторана «Les Rapides» до отмелей, где бьют щебень. Мы больше никому не позволяем работать на нашем участке, мы его, можно сказать, заслужили – Мартышка, Усач, Голливудский Красавчик и я. Особенно я – и не только потому,

что я очень хорошо плаваю; я еще и моложе всех, а еще я там единственная девочка. Мама Жанна говорит, что ни одна нормальная девочка на такое не осмелится; во-первых, она никогда не разденется чуть ли не догола, а во-вторых, никогда в жизни не станет прыгать в реку там, где течение самое быстрое, и, доплыв до стремнины, мчаться на ней верхом через перекаты.

С нашей стороны пороги как бы разделяют реку на три рукава. Один – мы называем его Горкой – совсем близко к берегу; вода там так стремительно несется по кривой (очень похожей на изогнутую заднюю ногу собаки) среди скал, что дух захватывает. За вторым порогом – Глотка; это довольно далеко, и чтобы туда добраться, нужно сперва отплыть от берега по широкой дуге, а потом обогнуть очень неприятный омут, настоящую воронку, прячущуюся среди крупных камней. Для всего этого требуется немало сил, но самое главное – умение; тут надо действовать быстро и ловко, ведь если тебя развернет, плыть придется против течения, а это попросту невозможно; тут только на умение и можно надеяться; нужно обязательно использовать течение реки, стараясь сделать так, чтобы тебя отнесло достаточно далеко от берега, но обязательно при этом попасть в относительно безопасный коридор между скалами. Но если, сворачивая в этот коридор, ты хотя бы на локоть промахнешься, тогда держись: река начнет трепать тебя так яростно, как собака треплет пойманную крысу, а потом все-таки затянет в проклятый омут. Если очень повезет, омут может тебя и выплюнуть; тогда ты стремительно скатишься вниз по каменистому перекату, и ничего особенно страшного с тобой не случится – ну, разве что обдерешь кожу на боках и на заднице, да с берега тебя наградят громким смехом и ядовитыми шутками. Такое и впрямь иногда случается, правда, со мной такого еще не бывало. Но куда чаще… впрочем, об этом лучше не думать. «Добрый Господь сам сеет свой урожай, – говорит Мама Жанна, – и сколько ни плачь, ни одного семечка обратно не вернешь».

Ну, а войти в третий коридор – это вообще почти немыслимо. О тех, кому это удалось, ходят легенды. От нас до третьего коридора страшно далеко, гораздо дальше, чем до второго, – наверное, раза в три дальше; сперва нужно добраться до Глотки, а уж потом плыть туда. А иначе никак. Да и то неизвестно, доплывешь ли. Примерно на полпути к тем плоским скалам, где бьют щебень, речной поток разделяется, обтекая большую розовую скалу, которую мы прозвали Черепахой. Она и впрямь похожа на черепаху с округлым панцирем. Так вот, по одну сторону от этой скалы довольно легко можно выбраться прямо на стремнину. Зато по другую сторону – острые подводные камни, которые мы прозвали Кусачки – так и норовят тебе ногу откусить. Но если ты достаточно ловок – и если повезет! – мне кажется, все-таки можно попробовать прорваться

от Глотки через стремнину к третьему рукаву, а потом на мощном округлом плече реки прокатиться до самого глубокого места Впадины.

Я, правда, пока что не могу на такое решиться, хотя уже давно обдумала, как это можно было бы сделать; я построила целую схему пути до третьего рукава с помощью всяких подручных материалов – речного мусора, луковиц водяного гиацинта; в общем-то, я почти уверена, что смогу туда доплыть. Вот только никто еще этого не делал, насколько я знаю. Мартышка утверждает, что там полно крокодилов, но на самом деле он просто боится. Да он и плавает хуже всех из-за своей изуродованной ноги; никогда даже не пытается доплыть до Глотки или оседлать реку. Но Усач все-таки разрешает ему ходить с нами; у него есть резиновая покрышка от грузовика, и он в ней преспокойно устраивается, точно птичка в гнездышке. Не уверена, что это так уж справедливо – если бы на месте Мартышки оказалась я, держу пари, Усач ни за что бы меня в свою компанию не принял! Усач у нас за вожака; мы называем его Генералом и должны делать то, что он нам прикажет. Мне это не всегда нравится – трудно вечно ходить в лейтенантах, если даже какой-то Мартышка считает себя полковником. С другой стороны, во всем остальном Усач почти всегда поступает по справедливости; и потом, скажите, разве кто-нибудь другой позволил бы мне, девчонке, присоединиться к их отряду?

Короче, каждый день с девяти до пяти мы торчим под верандой «Les Rapides» и тренируемся. Сперва все самое простое – чтобы разогреться; Мартышка плавает на своей покрышке, а остальные с воплями резвятся рядом. И лишь после этого мы начинаем показывать настоящие фокусы – ныряем с высоких скал, демонстрируем групповые прыжки и «крокодила» (это когда мы плывем одной длинной неразрывной цепью); где-то в полдень мы делаем перерыв, чтобы немного передохнуть и перекусить – если, конечно, удается раздобыть какой-нибудь еды. Иногда удается выпросить у Мамы Жанны печеный колобок или ломоть холодной маниоки. А иногда приходится довольствоваться мелкими зелеными манго – мы сбиваем их палками с деревьев, которыми обсажена веранда ресторана. Но после двенадцати, когда начинает собираться народ, ничем таким заниматься уже невозможно; мы должны вести себя хорошо, не то рискуем лишиться заработка.

А работаем мы, как я уже говорила, на реке. Точнее, с людьми, которые приходят к реке, и, если хотите знать мое мнение, каждый, кто способен потратить на обед пару тысяч конголезских франков, для нас уже достойная добыча. Мы ни в коем случае не попрошайничаем – этого мы делать никогда бы

не стали! – но мы ведь не можем помешать людям на нас смотреть, верно? А если нам порой кто-то бросит пару монет, или куриную косточку с остатками мяса, или кусок хлеба, что здесь плохого? Маме Жанне, правда, это не нравится, но она делает вид, что ничего не замечает. В конце концов, это плата за труд, который ничуть не хуже любого другого; а нам, между прочим, наша работа доставляет куда больше радости, чем тем, кто бьет щебень у реки.

Родилась я где-то в верховьях. Это было давно, еще до войны – я и не помню, как наше селение называется; да там, по-моему, и не было ничего особенного; иногда, правда, вспоминается какая-то хижина, крытая пальмовыми ветками, и множество бегающих вокруг кур, и то, как мать носила меня на спине, завернув в кусок ткани; а еще я помню, что пахло там совсем иначе, чем в городе, – это был лесной запах, запах влажной земли, деревьев, тростника и маниоки, варившейся в котлах. Возможно, желание вновь почуять этот лесной запах и привело меня в итоге на остров Гиппопотама. И хотя оттуда довольно далеко каждый день ходить в город, зато так приятно вечером, засыпая, слушать, как поет река и ей вторят лягушки и готовящиеся ко сну птицы.

Больше на этом острове почти никто не бывает, разве что рыбаки. Считается, что он окутан какими-то злыми чарами. Папа Плезанс, например, утверждает, что дух последнего убитого там бегемота ждет своего часа, чтобы отомстить. А Мама Жанна говорит, что магия на острове поселилась потому, что во время войны там случались разные нехорошие вещи. Впрочем, она на этот счет особенно не распространяется, а значит, там и впрямь творилось что-то плохое, потому что обычно Мама Жанна готова обсуждать хоть каждую ножку сороконожки по отдельности. Впрочем, война была давным-давно, по крайней мере, года три назад, и теперь, по-моему, на острове очень даже тихо и хорошо. Хотя многие по-прежнему обходят его стороной, потому что о нем ходит немало всяких слухов, связанных с духами и колдунами. Сама я ни одного духа, ни колдуна там ни разу не видела. И Папа Плезанс тоже, а он там каждый день бывает, приплывает туда на своей пироге. Зато возле острова водятся отличные усачи[6 - Усач – catfish (англ.) – сом, а также его разнообразные разновидности.], и я очень рада, что все остальные этого места сторонятся. Больше всего я люблю, чтобы в мою жизнь никто не встревал.

На берегу, по ту сторону рукава, у Мамы Жанны есть хижина, где она живет со своей дочерью, Мамой Ким, и внучкой, Малышкой Бланш. Раньше с ними жил еще муж Мамы Ким, но теперь он там не живет. С этим связана какая-то темная история – какие-то разборки между мужчинами и женщинами. Мама Жанна мне

что-то такое рассказывала, но мне, в общем-то, на такие дела плевать. У Папы Плезанса тоже есть хижина и при ней огородик – несколько грядок с овощами; а под большим манговым деревом он устроил себе мастерскую. Папа Плезанс приходится нашему Усачу дядей. Он делает пироги – точнее, раньше делал, пока война не началась; пироги у него получались очень красивые и легкие на ходу; воду они разрезали совершенно беззвучно. Папа Плезанс и меня научил управлять пирогой на быстрине; показал, как оседлать поток и как работать кормовым веслом, чтобы не перевернуть легкое суденышко. Сам он уплывает порой очень далеко, к самым водопадам, и свои верши иной раз ставит среди тех жутких подводных камней, которые мы прозвали Кусачками. Иногда мне приходится ему помогать, хотя это ужасно скучно – совсем не то, что сплавляться верхом на стремнине. И потом, Папа Плезанс никогда мне ничего за работу не платит, так что я при первой же возможности стараюсь ускользнуть от него и сама поднимаюсь вверх по реке, куда мне нужно.

Сегодня я пришла в «Les Rapides» рано, всего через час после рассвета. Остальные, конечно, еще не явились, и я уселась на берегу, поджидая ребят. Жуя кусок горького бамбукового побега, я высматривала в воде рыбу-дьявола. Вокруг не было ни души, лишь какой-то старик торчал посреди реки на своей пироге, да несколько птиц летали, почти касаясь бурой воды. Я прождала, наверное, не меньше часа, когда, наконец, пришел Мартышка со своим резиновым кругом. Собственно, я уже начинала догадываться, что грядут неприятности, а тут еще и заметила, что Мартышка этак искоса на меня поглядывает с этой своей противной усмешечкой, которая всегда свидетельствует о том, что за пазухой он спрятал какую-то гадость, но его самого это не касается. Мартышка всегда мне завидовал, это я давно знаю. Может, потому, что я гораздо лучше плаваю, а может, из-за того, что у меня-то ноги длинные и прямые, а он со своей изуродованной стопой сильно хромает, прямо-таки припадает к земле при ходьбе.

– А где остальные? – спросила я.

– Скоро придут, – ответил он и похвастался: – А Папа Плезанс всех нас позвал к себе и накормил завтраком – печеными колобками!

Вот это и впрямь удивительно! Старый Папа Плезанс никогда никого просто так завтраком кормить не станет. Интересно, что ему понадобилось? И почему это он всех моих друзей позавтракать пригласил, а мне позволил одной пойти к «Les Rapides»?

– Папа говорит, что ты только зря время теряешь, – сказал Мартышка, потом достал недоеденный колобок и с аппетитом за него принялся. – Он говорит, что на реке надо деньги делать.

– Что? То есть с ним рыбачить? Пусть ему помогают те, кто как следует плавать не умеет!

Мартышка явно разозлился и, зловредно прищурившись, сказал:

– А еще Папа говорит, чтобы ты у него под ногами больше не болталась. Он и Усачу это сказал. Сказал, что теперь ты у него будешь работать. А в «Les Rapides» чтоб больше ходить не смела.

Я просто ушам своим не верила.

– Да кто он такой, твой Папа Плезанс? Он что, родня мне? Кто он такой, чтобы мне приказывать! – возмутилась я. – Нечего ему за меня решать, что мне делать и чего не делать! Я не обязана даром на него работать только потому, что он дядя Усача!

– Так он Усачу сказал, – упрямо повторил Мартышка, – а я тебе передал.

– Нет уж, это мое дело! – заявила я и услышала, как предательски дрогнул мой голос.

– Ничего не твое, – тут же возразил Мартышка. – Место у «Les Rapides» принадлежат команде Усача.

Я промолчала, пытаясь разобраться, чем мне все это грозит. Мартышка между тем доедал свой колобок, по-прежнему поглядывая на меня со своей противной усмешкой – наверное, думал, что я заплачу или что-то в этом духе. Только я такого удовольствия ему не доставила.

– Ты же просто у Генерала на посылках! – высокомерно заявила я. – А где он сам-то?

Мартышка мотнул головой куда-то в сторону дробильщиков щебня.

– Только ты лучше туда не ходи, Нгок, – предупредил он, заметив, что я встала и двинулась по тропе. – Тебе там не поздоровится.

– Может, попробуешь меня остановить? – бросила я через плечо.

Он только плечами пожал и, прихрамывая, потащился следом, хотя и держался на расстоянии.

– Вот увидишь! – снова сказал он, но я сделала вид, что ничего не слышу.

Остальные действительно собрались у плоских скал, где бьют щебень. Однако Усач на меня даже не взглянул, а Голливудский Красавчик развлекался тем, что «пек блины» плоскими камешками в бухточке для купания и притворялся крутым.

– Мартышка говорит, будто вы больше не хотите, чтоб я с вами ходила к «Les Rapides»! – с ходу выпалила я, не дожидаясь, пока Усач сам сподобится со мной заговорить.

Усач ничего мне не ответил, даже глаз на меня не поднял, что-то внимательно рассматривая у себя под ногами.

– Что, язык проглотил? – спросила я.

Он пробормотал что-то невнятное – вроде того, что ему надоело иметь дело с малолетними девчонками.

– Ну и пожалуйста! Только перекаты не тебе одному принадлежат! – возмущенно крикнула я, снова заметив, как предательски дрогнул голос – то ли от сдерживаемых слез, то ли от бешеной ярости; я и впрямь была зла, как рыба-дьявол. – Если я захочу тут плавать, так ты меня не остановишь!

Однако он мог меня остановить и прекрасно это понимал. Трое мальчишек против меня одной… И потом, на суше-то все они гораздо сильнее меня, даже трус Мартышка со своей кривой ногой. Сильнее и старше. Но я уже закусила

удила. Пусть только попробуют меня тронуть! Вряд ли у них смелости хватит! Я осторожно прикоснулась кончиками пальцев к своему амулету – зубу рыбы-дьявола, который всегда носила на шее, – и взмолилась про себя: «Рыба-дьявол, вдохни в меня немножко своей души, дай мне сил и смелости!»

– Уходи отсюда. Ступай домой, – велел мне Усач.

– Ты что, все-таки хочешь мне помешать? Ну, попробуй! – И вдруг мне в голову пришла совершенно неожиданная мысль, свежая и сильная, точно голос Бога. Впрочем, может, Бога, а может, и рыбы-дьявола; только «голос» этот я слышала настолько отчетливо, что у меня даже дыхание перехватило. И представив это себе, я вдруг начала смеяться, прямо-таки задыхалась от смеха, и мальчишки, по-моему, решили, что я совсем спятила.

– Ты чего это ржешь, Нгок? – несколько смущенно поинтересовался Голливудский Красавчик. Уж ему-то было чего стыдиться: не далее как на прошлой неделе я собственными глазами видела, как он попытался доплыть до Глотки, но слишком сильно забрал в сторону, описывая дугу, и в результате налетел на Черепаху, так что течение ткнуло его мордой прямо в ил. Усач, конечно, плавает гораздо лучше, ну а Мартышка никогда даже и не пытается отплывать далеко от берега, не говоря уж о том, чтобы оседлать стремнину. Я прекрасно понимала, что в воде легко одержу победу над любым из них, любого перегоню, даже Усача – особенно если день будет хороший, а на шее у меня будет висеть зуб рыбы-дьявола, который всегда приносит мне удачу.

– Значит, ты хочешь, чтобы перекаты принадлежали только тебе? – спросила я, все еще смеясь. – Давай тогда заключим сделку, парень. Посмотрим, кто из нас круче. И пусть решает сама река.

Они так и уставились на меня – Мартышка испуганно, Голливудский Красавчик со смехом, и только Усач был по-прежнему спокоен и серьезен.

– Что ты хочешь этим сказать? – наконец спросил он.

– Я хочу сказать, что вызываю тебя на поединок! – заявила я. – Банда Усача против банды Нгок. Победитель получает перекаты и место у «Les Rapides». Побежденный возвращается к Папе Плезансу.

Мартышка нервно хихикнул.

– Ты что, рехнулась?

– Может, и рехнулась, только плаваю я не хуже крокодила.

Усач нахмурился. Обычно он немногословен, но если уж что скажет, то все его слушают. Он ведь у нас Генерал и должен понимать, что ни один настоящий генерал никогда от предложенного поединка не откажется. Один раз откажись, и подумают, что ты трусишь. Два раза откажешься, и никто тебе больше подчиняться не будет. А уж если три – все, ты покойник.

– Какое состязание ты предлагаешь?

– Серьезное, – сразу ответила я. – Омут в Большой Впадине.

Усач долго молчал, потом кивнул и бросил:

– О’кей. – И, не глядя на меня, повернулся и пошел куда-то вверх по течению, в сторону «Les Rapides».

Стоя на берегу бухточки для купанья, я думала о том, что сегодня Впадина кажется еще более темной, страшной и далекой, чем прежде. Река вздулась после дождей, прошедших на прошлой неделе; течение стремительно уносило вдаль широкие полосы водяного гиацинта; вода пахла чем-то кислым; самое большее через месяц должны были начаться затяжные муссонные дожди. В муссон перекаты становятся слишком опасными; тогда там даже очень хорошему пловцу не сдюжить. В сезон дождей даже крокодилы, случается, гибнут, если их занесет в грохочущий по камням поток. Сейчас, правда, настоящие дожди еще не начались, но до них уже рукой подать. Мне стало не по себе, но я все же направилась к нашему обычному месту встречи под верандой ресторана – в такую рань там, естественно, никого не было, но официант уже накрывал столы в тени большого мангового дерева, а из открытых дверей кухни вкусно пахло чем-то жареным.

– Ты уверена? – спросил Усач, в упор посмотрев на меня. Сам он выглядел совершенно спокойным, но мне показалось, что он вспотел; может, от жары, а

может, и от чего-то другого. Мартышка стоял с ним рядом, держа под мышкой свой резиновый круг, и от возбуждения так таращил глаза, что были видны белки.

– Что, страшно стало? – поддразнила я Усача.

Он лишь молча пожал плечами, словно желая сказать, что плыть до омута в Большой Впадине очень далеко, однако его это вовсе не пугает, хотя это самое опасное место на ближних порогах, да и река здесь разливается прямо-таки невероятно широко.

– Ну, хорошо, – сказала я, и мы снова посмотрели друг на друга.

– Ты плыви первая.

– Нет, ты!

Лицо Усача было точно вырезано из дерева – такое же застывшее и темное; и по нему ничего нельзя было прочесть.

– О’кей. Тогда поплывем вместе.

– Нет, парень, – растерянно сказал Голливудский Красавчик. – Это слишком рискованно! – Вообще-то он был прав: плыть на такое расстояние, да еще и пересекая стремнину, безопасней по очереди, в одиночку; при этом надо как можно точнее рассчитать и расстояние, и угол поворота, исходя из собственных возможностей, потому что отклонишься хоть на дюйм не в ту сторону и запросто можешь погибнуть – либо в водоворот засосет, либо вдребезги расколошматит об острые подводные камни. А уж если два человека, плывущие рядом, невольно столкнутся друг с другом, точно плавучие травяные островки, да их еще и развернет при этом поперек течения, тогда все, обоим хана.

– Хорошо, – сказала я. – Поплывем вместе.

Даже если никому ничего ни доказывать, ни показывать не нужно, мы всегда тренируемся, прежде чем сделать длительный заплыв. Сперва пару раз сплаваем до Горки; затем один-два раза «крокодилом»; потом еще несколько

разминочных прыжков в воду – глядишь, мы уже и готовы, можно до самой Глотки плыть. Но сегодня нам с Усачом было не до детских упражнений. Мартышка уселся на берегу, спрятав ноги в свой резиновый круг, и неотрывно глядел на нас; Голливудский Красавчик, сгорбившись, пристроился под арочной опорой веранды; а мы с Усачом тем временем внимательно изучали реку, время от времени швыряя туда разные предметы – пластиковую бутылку, кусок дерева – и пытаясь прикинуть скорость и направление течений, которые предстоит преодолеть, если мы хотим доплыть до Большой Впадины.

Никто из нас, разумеется, никаких пробных заплывов совершать не собирался. Оба опасались, что сдадут нервы и, таким образом, мы – хотя бы отчасти – продемонстрируем собственную слабость и страх. Но мне было совершенно ясно: без пробного заплыва шансы на успех определенно понижаются. По правилам нам бы следовало раз десять, по крайней мере, доплыть до Глотки и обратно, прежде чем предпринимать такую отчаянную попытку – плыть через три рукава до омута в Большой Впадине и дальше, на тот берег реки. Однако я и без того с трудом заставляла себя стоять на своем, и мне совсем не хотелось остужать жар моего гнева в реке, прежде чем придется совершить решающий заплыв.

Прошло еще минут двадцать, и я почувствовала, что гнев начинает остывать сам собой. А Усач все продолжал следить за рекой, пытаясь определить скорость ветра и воды, но время от времени быстро-быстро на меня поглядывал – видно, надеялся, что я первая дрогну. Я еще раз помолилась про себя своему божеству: «Прошу тебя, рыба-дьявол, дай мне скорость, мужество и удачу!» – и одарила Усача сияющей улыбкой. Не знаю, обманула ли его эта улыбка, но сама я в любом случае ждать больше не собиралась. Я встала, обвязала юбку вокруг ног и коротко спросила:

– Готов?

– Ты точно спятила! – сказал Мартышка с какой-то мрачной уверенностью. – Если река тебя не возьмет, так крокодилы сожрут!

– Крокодилы не любят мест, где течение слишком быстрое, – резко ответила я, глядя поверх головы Мартышки на далекий речной рукав, который сейчас и разглядеть-то можно было лишь с трудом. Где-то там, вдали, в мерцающей дымке, виднелась узкая блестящая полоска воды, отливающая золотом и, может быть, чуть более гладкая, чем остальная поверхность реки. Это было очень красиво; так же красиво, как красива блестящая спинка ядовитой змеи. Я еще

подумала, что и «укусить» эта блестящая полоска может не хуже змеи.

– Ну что, готова? – спросил Усач, явно рассчитывая, что я откажусь от состязания – это по его глазам было видно.

– Я всегда готова, – сказала я, и мы оба отошли на несколько шагов, чтобы получше разбежаться. В три прыжка мы, почти касаясь друг друга локтями, подлетели к самому краю обрыва и, еще раз оттолкнувшись, прыгнули вниз. Я сразу пролетела значительно дальше и с громким плеском вошла в воду ногами вперед, чувствуя, как течение своим хвостом тянет меня прямиком к Глотке.

Оказавшись под водой, я сразу почувствовала силу придонных течений, куда более мощных, чем поверхностные, и, с силой работая ногами, вынырнула и осмотрелась. Усач был где-то поблизости, я это чувствовала, но пока что его не видела и даже не пыталась искать. Я изо всех сил рвалась вперед, на стремнину, точно от этого зависела вся моя жизнь. Ниже по течению скала Черепаха недоуменно пожимала над водой своим гигантским розовым плечом, и я, ориентируясь на нее и с силой отталкиваясь ногами, рванула в сторону Глотки, прекрасно понимая, что, если выплыву с неправильной стороны от Черепахи, если промахнусь мимо входа в проток, меня затащит в путаницу омутов и острых подводных скал – если, конечно, река раньше не успеет раздавить меня, как протухшее яйцо.

За спиной и чуть левее, ближе к протоку, я услышала сопение Усача, яростно сопротивлявшегося могучему течению. Он был гораздо сильнее меня, но и куда тяжелее; а я, подняв ноги повыше, чтобы их не затягивало придонным течением, плыла вперед, легкая, как кувшинка. Друг другу мы не говорили ни слова; рот, нос да и глаза тоже то и дело заливало водой, а думать я могла только о том проходе между скал, по которому меня несло течение, норовя развернуть и утопить; я хватала ртом воздух, видя, что Черепаха все ближе, и все ближе становились страшные воронки, что прятались по обе стороны от нее.

Бум-бум-бум – течение заставило меня собственным телом пересчитать округлые верхушки скал, едва прикрытые водой и напоминавшие позвонки на спине невероятно худого человека. Я проплыла точно над ними, теряя скорость и задыхаясь, и увидела прямо над собой громаду Черепахи; по одну ее сторону, ближе к берегу, в широкой излучине рукава, река спокойно несла свои воды к Глотке, а по другую начиналась практически неизведанная территория с жуткими омутами и перекатами. Набрав в грудь побольше воздуха, я крепко

обхватила себя руками и с силой оттолкнулась ногами от Черепахи как раз в тот момент, когда река собралась очередным толчком попросту швырнуть меня о скалу. Но мои сильные длинные ноги выручили меня и на этот раз, и я ринулась навстречу неведомому. В этом протоке течение было еще более мощным; река старалась всосать меня в себя, тянула за ноги рывками то горячих, то холодных придонных течений, била об острые подводные скалы, которых здесь оказалось ужасно много, и я понятия не имела, как их обогнуть, потому что плыла по этому коридору впервые; я больно стукалась о них, обдирая кожу на ступнях и лодыжках, а один особенно острый выступ разорвал мне всю внутреннюю сторону ноги от подъема до колена.

Это были даже не Кусачки, а какие-то Ногогрызы. Ничего иного я и не ожидала; но здешние камни и впрямь могли запросто перекусить человека пополам, такие они были огромные и острые; они торчали над водой, точно зубы самой реки, и их мощные корни уходили глубоко в ее дно. Я поджимала ноги и старалась плыть как можно быстрее, но проклятые камни все равно то и дело наносили мне очередную рану. Я услышала, как где-то позади громко вскрикнул Усач, но оглядываться и смотреть, что с ним и почему он крикнул, не стала. Сейчас мне казалось, что расстояние до Большой Впадины ровно в два раза больше, чем мы думали раньше, и течение здесь в два раза быстрее, чем в привычных для нас местах; а тот, дальний, рукав реки, что проходил над самым глубоким местом Впадины, выглядел отсюда как широкая дорога из сказки о заколдованном замке, который сам собой перемещается с места на место и в один прекрасный день может запросто исчезнуть вместе с ведущей к нему дорогой, а потом снова появиться где-нибудь в другом месте, скажем, на другой стороне земного шара, укрытый пушистым ковром снега, которого я никогда в жизни не видела…

И я снова взмолилась, мельком глянув на магический зуб рыбы-дьявола: «Пожалуйста, унеси меня подальше от этого страшного места!» Прибавив скорости, я поплыла прочь от этой каменистой полосы и успела заметить, что Усач, немного от меня отставший, сделал то же самое; только если я ринулась прямо вперед, то он совершил ошибку, чуть отклонившись в сторону от огибающего скалу потока. Этот поток, покрутившись над смертельно опасным омутом, подхватил меня и сам понес дальше, по направлению к Глотке, оттолкнув Усача, и тот теперь оказался в самой опасной зоне. Не оглядываясь на своего соперника и не сбиваясь с курса, я быстро плыла к цели, подхваченная потоком, легкая и стремительная, точно одна из тех чудесных пирог, которые делает Папа Плезанс.

Большая Впадина! Теперь я уже хорошо ее видела; она была прямо по курсу, и тот чуть изогнутый рукав, по которому я плыла, должен был привести меня прямо к цели, тогда мне останется лишь, воспользовавшись мощью течения, проплыть над тем страшным омутом – перелететь через него, точно выпущенный из рогатки камешек. Предвкушая победу, я блаженно раскрыла рот и – оп-ля! – оседлала реку, слегка подогнув под себя ноги, как это делает Мартышка, когда плывет на своем резиновом круге, и позволила ей нести меня по необозримой водной глади прямиком к самому глубокому омуту.

Мне казалось, будто я лечу. Лечу, и падаю, и снова взлетаю. Я даже подумала на минутку, что все это мне просто снится – и эта тяжелая плотная масса черной воды подо мной, и ее второй слой, желто-коричневый, и мелкие куски речного мусора, коловшие и царапавшие мое и без того израненное горящее тело; и все равно ощущение полета было непередаваемым, чудесным. А потом меня вдруг охватило странное чувство – будто я не просто плыву по реке, но стала частью реки; я пела ее песнь, и она вторила мне на разные голоса, и я была совершенно уверена: если захочу, то легко смогу доплыть и до противоположного берега, до самой Киншасы, и ничто – даже крокодилы! – не помешает мне и не сможет причинить мне вреда.

А потом я оглянулась. Ох, не следовало этого делать! Ведь я была уже почти у цели, уже почти коснулась краев Большого Омута. Но все-таки оглянулась – возможно, мне хотелось удостовериться, что Усач собственными глазами видит, что я уже победила, видит миг моей славы, – и радость моя сразу померкла, и холодный ужас сковал мою душу.

Я тогда правильно догадалась: Усач действительно не удержался, и его снесло бурным потоком, что, изгибаясь, приводил пловца обратно, к омуту, который мы называли Глоткой. Впрочем, если бы Усач продолжал придерживаться этого направления, все наверняка обошлось бы; его бы вынесло течением в прямой и довольно безопасный рукав по ту сторону Черепахи, а оттуда он сумел бы доплыть по длинному чистому коридору к бухте, где все купаются. Но он, видно, решил не поддаваться течению и предпринял отчаянную попытку: повернул назад и поплыл против течения – затея поистине безнадежная. И река, конечно же, сразу остановила его, перевернула на спину и поволокла назад, к Черепахе, к тем острым подводным скалам, к черному водовороту омута. Слишком поздно Усач понял свою ошибку; я видела, как над водой то и дело появляется его темноволосая голова, как отчаянно он цепляется худыми руками за торчащую из воды острую верхушку речной скалы, а река сердито набрасывается на него,

вертит, мотает, да еще и брыкается, точно норовистый конь, оскорбленный тем, что на нем вздумали ездить верхом да еще без седла. Все это я увидела как-то сразу, в одно мгновение – и разгневанную реку, и Усача, цеплявшегося за скалу в тщетной надежде спастись, и страшный черный водоворот чуть дальше по течению. Если бы Усач плыл с меньшей скоростью и не так сопротивлялся течению, река бы, наверное, просто пронесла его над омутом, но он этот драгоценный миг упустил и, похоже, совершенно утратил самообладание. И теперь отчаянно цеплялся за скользкую скалу, все время с нее соскальзывая, и то ли выл, то ли пронзительно кричал от страха, но все его вопли заглушала громкая торжествующая песнь реки.

А передо мной буквально на расстоянии вытянутой руки был Большой Омут. И он тоже пел свою песнь, пел поистине оглушительно и звал меня – иди ко мне, Нгок! – но я знала: там, позади, остался мой друг, он тонет, и хотя у меня просто сердце разрывалось, так мне не хотелось прерывать свой отчаянный бросок, уже почти завершившийся успехом, я понимала, что никогда не смогу позволить черному омуту проглотить Усача.

Я оттолкнулась и поплыла назад, к острым скалам. Несколько секунд Впадина еще цеплялась за меня, еще пела мне свою песнь, но потом ей, видно, надоело меня уговаривать, и она с силой выплюнула меня – так ребенок в сердцах выплевывает колючее семечко, случайно попавшее ему в рот, – и я стрелой понеслась прочь, обдирая колени и ступни о подводные камни. Я возвращалась к Глотке, прекрасно понимая, чем рискую. Ведь мне нужно было в точности повторить путь Усача, а потом, не теряя ни секунды, подхватить его, пока он еще на плаву, и что было сил тащить прочь, пока нас обоих не затянуло в омут. Ошибись я в расчетах хоть капельку, и омут запросто нас проглотит; мы попросту исчезнем под водой и никогда уж больше не вынырнем. Дюйм в ту или другую сторону – и я промахнусь, пролечу мимо Усача. Я в последний раз помолилась рыбе-дьяволу: «Ох, пожалуйста, дай мне добраться до Усача!» – и, набрав в грудь побольше воздуха, так что легкие чуть не лопнули, уселась прямо на гребень стремнины, выпрямилась и разом долетела до нужного поворота, а там соскользнула с гребня и поплыла к Усачу.

Он, должно быть, увидел меня и догадался, что я хочу сделать. Потому что мгновенно, без лишних слов, схватил меня за руку и отцепился от скалы, а я, благодаря набранной скорости, сумела удержаться внутри бешеного потока, и он пронес нас обоих, крутя точно пустые бутылки, прямо над проклятым омутом и вышвырнул на острые камни, торчавшие из воды, как зубья бороны.

– Держись, Усач! – Я едва слышала собственный голос, так громко звучала песнь реки. Теперь она надо мной смеялась, я хорошо это понимала; негромко и басовито гудели скалы, хихикала галька, и все вместе это напоминало веселый вечер у костра, танцы под рокот барабанов. А речной поток, миновав Глотку, уже снова выглаживался, замедлял свой бег и плавно подходил к купальне на берегу. Теперь под ногами уже не чувствовалось острых камней, и Усач, выпустив мою руку, поплыл сам; плыл он медленно, словно прихрамывая, и загребал в сторону мелководья.

Остальные уже поджидали нас там, и вид у них был такой, словно они не уверены в том, что действительно видели все это собственными глазами.

– Эй, что там у вас случилось? – нетерпеливо спросил Мартышка, едва мы с Усачом рухнули на сухие плоские камни там, где рабочие бьют щебень, и стали осматривать свои ноги, сплошь покрытые порезами и ссадинами.

Я посмотрела на Усача. Он на мой взгляд не ответил. Лицо его, похоже, совсем одеревенело и было очень темным, сияла только кровавая ссадина на лбу, прямо над глазом – наверное, он ударился о ту островерхую скалу, когда цеплялся за нее.

– Так ты доплыла до Большой Впадины, Нгок? – голос Голливудского Красавчика дрожал от возбуждения. – По-моему, я тебя видел возле нее, только уж больно это далеко, я толком и не разглядел…

И я поняла: пора высказаться. Рассказать им всем, как я прикоснулась к краю Впадины – на самом деле прикоснулась, – кончиками пальцев дотронулась до нее, словно до какой-то сказочной рыбины, которую никому никогда не поймать, разве что во сне. Если я все это сейчас расскажу, то стану Генералом. А Усач отправится домой, к Папе Плезансу. И самый выгодный участок на берегу реки возле «Les Rapides» будет моим…

Усач так ни разу и не взглянул на меня. Словно запер на замок свое одеревеневшее лицо.

– Ну? – не выдержал Мартышка. – Значит, ты выиграла?

Ответила я не сразу. Сперва долго молчала, а потом сказала, качая головой:

– Нет. Я почти доплыла, но потом Глотка меня все-таки затянула, так что можешь считать, парень, что у нас ничья. Никто не выиграл.

Голливудский Красавчик, похоже, был разочарован.

– Эй, Нгок, – заметил он, – а где же твой магический зуб? Потеряла?

Я ощупала шею, заранее зная, что зуба там нет. Скорее всего, река решила взять его обратно; а может, просто дух рыбы-дьявола вернул себе свое…

В общем, мы по-прежнему работаем на реке. Все четверо: Усач, Мартышка, Голливудский Красавчик и я. Возникли, правда, некоторые сложности с Папой Плезансом, но Мама Жанна неожиданно встала на мою сторону – я тогда еще подумала: как это странно и совсем на нее не похоже; наверное, Папа Плезанс сам числился у нее в «черном списке» из-за какого-нибудь невыплаченного долга.

И река теперь снова наша; во всяком случае – пока; ну, не вся река, конечно, а та полоска берега, что тянется от «Les Rapides» до плоских скал, где бьют щебень. Работаем мы каждый день, но никто из нас больше ни разу не пытался доплыть до Большой Впадины и ее страшного омута. Думаю, когда-нибудь мы снова попробуем это сделать. Усач по-прежнему считается нашим Генералом, но больше уж так нами не командует. И я заметила, как с некоторых пор блестят глаза у Голливудского Красавчика – ясное дело, новый вызов Усачу бросит именно он. А вот я никогда уже этого не сделаю. С моей стороны было глупо даже предполагать, что и я могла бы стать Генералом в компании мальчишек; теперь я понимаю, что плохо уже и то, что я до сих пор стараюсь от них не отставать. И все же иногда я вижу, как они смотрят на меня, и читаю в их глазах восхищение, смешанное с ужасом; они прекрасно понимают, какую отчаянную попытку я тогда предприняла, какую великую победу почти одержала, и смутно чувствуют, что момент моей, почти завоеванной, славы окутывает какая-то тайна. Ничего, когда-нибудь, возможно, я снова эту славу завоюю!

А река по-прежнему всегда рядом, как говорит Мама Жанна; да, река всегда рядом – с ее сонным молчанием, с ее ужасной яростью, с ее несмолкающей песнью, которая все продолжается, продолжается и продолжается вечно,

включая в себя все магические заклинания, все сны, все сказки и истории, что зародились в самом чреве Африки и теперь плывут в открытое море, влекомые могучим течением Конго.

Фейт и Хоуп[7 - Faith – вера; Hope – надежда (англ.).] улетают на юг

В свой сборник «Jigs and Reels» я включила рассказ «Фейт и Хоуп идут по магазинам» – это история о двух достойных и сильных духом пожилых дамах, живущих в доме престарелых. Мне эти две старушки очень полюбились, и если судить по количеству писем о них, которые я получила, полюбились они и многим моим читателям. С тех пор я еще несколько раз их навещала и, возможно, буду навещать еще.

Как это мило, что вы к нам заглянули, ведь далеко не каждый станет тратить свое драгоценное время на разговоры с нами, болтливыми старушонками, которым больше и заняться-то нечем. И все-таки даже здесь всегда что-нибудь да происходит; здесь – это в доме для престарелых «Медоубэнк». У нас что ни день разыгрываются настоящие спектакли – то драма, то трагедия, а то и фарс. Уверяю вас, в этом отношении наш «домашний театр» ничуть не менее интересен, чем театры фешенебельного Уэст-Энда; я часто повторяю это своему сыну Тому, который забегает ко мне раз в неделю и каждый раз торопится поскорее умчаться. Мне он приносит цветочки, купленные на автомобильной заправке (обычно это хризантемы, которые, к моему большому сожалению, стоят довольно долго), и, разумеется, вываливает кучу всяких сплетен о том мире, что находится за стенами нашего прибежища.

Ну, нет, не совсем так… тут я немного переборщила. Рассказы Тома скорее похожи на букеты, которые он мне приносит: разумные, совершенно лишенные фантазии и довольно скучные. Но ведь он все-таки действительно каждую неделю ко мне приходит, благослови его Бог, и это для меня самое важное; тем более в условиях нашего дома, где гости бывают так редко. И потом, мой Том выгодно отличается от большей части этих гостей – с их жизнью, похожей на мыльную оперу, с их нескрываемой гордостью теми должностями, которых они достигли, с их почти трогательной уверенностью, что в шестьдесят лет жизнь кончается (или, по крайней мере, должна закончиться), с их отвратительными,

всем надоевшими ограничениями, которыми они сами себя окружили и старательно ото всех прячут. Уж мы-то с Хоуп хорошо это знаем.

Вы ведь знакомы с Хоуп? Ну, конечно. Для нее, слепой, ваши визиты – по-моему, еще большая радость, чем для меня. Здесь нас, конечно, пытаются чем-то развлечь, но, если ты когда-то была профессором Кембриджа, любила ходить по театрам, посещала коктейли, майские балы и рождественские концерты в «Кингз»[8 - Кингз-колледж – один из наиболее крупных колледжей Кембриджского университета, славящийся своей церковной капеллой; основан в 1441 г.], тебе никогда не доставят настоящего удовольствия здешние развлечения, вроде игры в бинго по вечерам во вторник. С другой стороны, постепенно мы все-таки приучаемся ценить маленькие удовольствия (в основном самые простые, самые обычные), ибо, как говаривал один француз, приятель Хоуп, даже Сизифа можно представить себе счастливым. (Сизиф, если вы случайно не знаете, – это человек, которого боги навечно приговорили вкатывать на гору тяжеленный камень.) Я, конечно, не такая интеллектуалка, как Хоуп, но, кажется, все же понимаю, что этот француз имел в виду. Он хотел сказать, что нет ничего такого, к чему нельзя было бы привыкнуть – со временем, конечно.

Разумеется, в таком месте, как «Медоубэнк», всегда найдутся недовольные. Вот, например, Поляк Джон – его фамилию никто толком произнести не способен, – так он никогда и слова доброго ни для кого не найдет. Или, скажем, мистер Браун – у него вполне приличное чувство юмора, хоть он и немец; однако он каждый раз впадает в депрессию, стоит ему посмотреть по телевизору фильм про войну. Или миссис Суотен – ей все завидуют, потому что к ней каждую неделю приезжает сын с женой и детьми и забирает ее отсюда, да и внуки все время навещают, и невестка ее, очень милая женщина, постоянно приходит, да еще и с подарками, – но она вечно ворчит, жалуется и стонет: и скучно ей, и дети редко приходят, и пищеварение не в порядке, и еда в этом доме ужасная, и никто не представляет, как ей приходится страдать.

Миссис Суотен – единственный человек (если не считать Лоррен, нашей новой сиделки), способный вывести из себя даже Хоуп. Но ничего, мы с Хоуп и с этим как-то справляемся. По примеру Сары, героини детской книжки «Маленькая принцесса» (Хоуп очень любила в детстве «Маленькую принцессу», и месяц назад я в очередной раз прочитала ей эту книжку вслух – сразу после того, как мы закончили «Лолиту»), мы стараемся не позволять всяким живущим рядом с нами «миссис Суотен» отравлять нам жизнь и пытаемся – по мере возможности,

конечно, – радоваться любой мелочи. В общем, мы бы очень хотели вести себя как настоящие принцессы, хотя никакие мы, разумеется, не принцессы.

Впрочем, бывают и в нашей жизни приятные исключения. На этой неделе, например, 10 августа, нам предстоит поездка к морю. Каждый год в августе всех обитателей «Медоубэнк» запихивают в бокастый оранжевый туристический автобус – вместе с грудой одеял, корзинами для пикника, бидонами с чаем и молоком, а также дежурными сиделками, веселыми или встревоженными, в зависимости от темперамента, – и мы отправляемся в Блэкпул[9 - Один из наиболее популярных приморских курортов неподалеку от Лондона.]; Хоуп называет наш автобус «экспресс Несдержанность».

Я всегда любила Блэкпул. Мы ведь, знаете ли, каждый год туда ездили, когда Том был маленьким. Помнится, я лениво за ним присматривала, а он спокойно играл себе в крошечных озерцах, сохраняющихся в углублениях скал после отлива. Питер тем временем спал на теплом сером песке, и волны, вздыхая, набегали на берег и отступали, шурша по гальке. Тогда Блэкпул был поистине нашим местом; мы всегда останавливались в одной и той же дешевой гостинице, где все нас хорошо знали, и миссис Нимз всегда готовила нам на завтрак яичницу с беконом, любовно воркуя над Томом, который «так сильно вырос». У нас там была «своя», привычная чайная-кондитерская, куда мы ходили пить горячий шоколад после купания в холодном море, и «своя» любимая забегаловка под названием «Счастливая пикша», где мы всегда ели на ланч фиш-н-чипс. Возможно, именно поэтому я по-прежнему люблю Блэкпул с его длинной полосой пляжей, парадным шествием магазинов, с его пирсом и волноломом, о который при высоком приливе разбиваются такие огромные волны, что брызги порой долетают до шоссе. Хоуп любит Блэкпул, так сказать, за неимением лучшего; и я легко могу себе представить, что Блэкпул для нее – это в определенном смысле ступенька вниз, поскольку она привыкла проводить отпуск на Ривьере; только сама Хоуп никогда так не скажет; она всегда с нетерпением ждет поездки к морю – испытывая, по-моему, не меньший энтузиазм и не меньшее возбуждение, чем я. Вот почему нам оказалось особенно трудно пережить жестокое разочарование, когда Лоррен объявила, что в этом году мы с Хоуп в Блэкпул поехать не сможем.

Лоррен – это новенькая сестра-сиделка; блондинка, естественно, довольно-таки ядовитого оттенка с обведенными контурным карандашом губами и вечным запахом «Сочной фруктовой» жвачки. Лоррен сменила Келли, сестричку несколько туповатую, но совершенно безвредную, и быстро стала любимицей

Морин, нашей заведующей. У Лоррен тоже есть свои любимчики, среди которых мы с Хоуп, разумеется, не числимся. Когда Морин уезжает куда-нибудь по делам (что случается примерно раз в неделю), всем в доме заправляет именно Лоррен; собственно, заботы ее сводятся к тому, что она сидит в комнате отдыха и пьет чай с бисквитами, «способствующими пищеварению», или начинает всех будоражить и стравливать. Миссис Суотен, ее большая поклонница, утверждает, что Лоррен – единственный по-настоящему разумный человек в «Медоубэнк», хотя мы с Хоуп давно заметили, что все их разговоры вертятся преимущественно вокруг сына миссис Суотен, отнюдь не заслуживающего такого внимания, и, самое главное, наследства, которое он может получить после смерти миссис Суотен. Насколько я сумела понять, получить он должен невероятно много, и что в итоге? А в итоге Лоррен, которая не проработала у нас в доме и двух месяцев, сумела убедить миссис Суотен, что сын «совершенно ее забросил».

«Охотница за «скорой помощью» – так с отвращением называет ее Хоуп. Эти хищницы иной раз встречаются в таких местах, как «Медоубэнк»; девицы вроде Лоррен незаметно втираются в доверие к старикам, льстят недовольным и медленно впрыскивают в их души свой яд. И люди привыкают к этому яду, как к наркотику, и со временем приобретают даже некоторую зависимость от него; собственно, примерно то же самое происходит и со зрителями тех ядовитых «реалити-шоу», которыми так увлекается Лоррен. Меркнут маленькие удовольствия, и человек начинает думать, что куда большее удовольствие можно получить, жалея себя, постоянно жалуясь на жизнь или делая гадости соседям по дому престарелых. Так действует Лоррен; и хотя Морин – тоже отнюдь не добрая самаритянка со своим нелепым рождественским весельем и пустой улыбкой во весь рот, как у подвыпившего моряка, она все же бесконечно лучше, чем Лоррен, которая считает нас с Хоуп «чересчур умными» и с помощью разных закулисных интриг пытается лишить нас даже тех маленьких радостей, которые у нас еще остались.

Например, поездки в Блэкпул.

Позвольте объяснить. Несколько месяцев назад нам с Хоуп удалось сбежать – мы всего лишь на денек съездили в Лондон, только и всего, – но для персонала «Медоубэнк» это было почти равносильно бегству из тюрьмы. Случилось это еще до назначения Морин – и тем более до появления Лоррен, – но я уверена: сама мысль о подобном нарушении правил способна сразу вызвать у Морин праведный гнев. Как, впрочем, и у Лоррен, но по иной причине; она, кстати, теперь то и дело повторяет нам слащавым тоном злой воспитательницы

детского сада, как гадко с нашей стороны было убежать из приюта, как все из-за нас беспокоились и что хорошим уроком нам послужит то, что мы пропустили возможность записаться на августовскую поездку в Блэкпул, а потому нам придется остаться дома под присмотром санитара Криса и Печального Гарри, исполняющего у нас обязанности медбрата.

«Записаться» – прелесть какая! Да нам никогда не нужно было записываться, и никаких списков для однодневной поездки никто никогда не составлял. Впрочем, когда к власти пришла Морин, все переменилось; постоянно стала звучать тема Здоровья и Безопасности; стал учитываться уровень страховки; возникла необходимость подписывать какие-то разрешительные документы – в общем, теперь требуется пройти целую административную процедуру, даже если речь идет о какой-нибудь коротенькой экскурсии или развлекательной поездке.

– Извините, девочки, у вас была возможность попасть в список, но вы ее упустили, – ласково заключила Лоррен. – Правила есть правила, и вы, конечно же, не можете надеяться, что Морин сделает для вас исключение.

Должна признаться, мне вообще не нравится эта затея с разрешениями буквально на все, которые должен подписывать мой сын Том, – уж больно это напоминает времена, когда он приносил из школы мне на подпись бесконечные бланки разрешений и требовал, чтобы я его отпустила то на экскурсию во Францию, то кататься на лыжах в Италию. Дело в том, что подобные поездки мы с мужем могли себе позволить с большим трудом, но все же старались найти на них деньги, потому что Том был хорошим мальчиком и явно делал успехи; кроме того, нам вовсе не хотелось выставлять его перед друзьями в жалком виде. Теперь, разумеется, Том проводит отпуск в самых разных уголках земного шара – в Нью-Йорке, во Флориде, в Сиднее, на острове Тенерифе, – хотя по-прежнему обязан каждый раз приглашать в эти поездки и меня. Он, знаете ли, никогда не обладал развитым воображением и даже представить себе не может, бедный мальчик, что я, может, только и мечтаю со свистом скатиться по piste noir[10 - «Черная» трасса на горном спуске (фр.).] в Валь-д’Изер, или послушать в Венеции посвященную мне серенаду, или понежиться в гамаке на Гавайях в обнимку с двумя гавайцами. Мне кажется, Том по-прежнему уверен, что Блэкпул – это предел моих мечтаний.

Что же касается Хоуп… Ну, Хоуп вообще крайне редко выплескивает свои чувства наружу. Я, конечно, кое-что замечаю – но только потому, что знаю Хоуп

лучше кого бы то ни было и не сомневаюсь: вряд ли она доставит этой садистке Лоррен хоть каплю удовольствия.

– Блэкпул? – переспросила она высокомерным тоном кембриджского профессора. – Что вы, Лоррен, мне куда приятней спокойно посидеть в гостиной и выпить чашечку чая. У нас, знаете ли, была вилла в Эзе-сюр-Мер, это на Французской Ривьере, и мы втроем ездили туда дважды в год, пока Прис не выросла. В те времена это было очень милое тихое местечко – никакой толпы, никаких киношников, никаких знаменитостей, не то что сейчас. Мы даже, чтобы совсем уж не заскучать, время от времени совершали вылазки в Канны, если там, скажем, устраивали прием, на который нам действительно хотелось пойти. Однако по большей части предпочитали проводить время у себя на вилле, купаться в своем бассейне или совершать прогулки на яхте, принадлежавшей нашему приятелю Ксавье, – он, кстати, дружил с Кэри Грантом[11 - Кэри Грант (1904–1986) – знаменитый американский актер, прославившийся ролями в фильмах А. Хичкока.], и порой мы с Кэри…

К этому времени у меня уже не хватило сил сдерживаться, и я начала так хохотать, что чуть не разлила чай.

– Все в порядке, – с трудом выговорила я, беря Хоуп за руку. – Она ушла.

– Это хорошо, – сказала Хоуп. – Терпеть не могу выпендриваться, как выражались мои студенты, но порой обстоятельства…

Я видела, что Лоррен исподтишка наблюдает за нами, устроившись в самом дальнем углу комнаты отдыха; на лице ее отчетливо читалось крайнее раздражение.

– Но порой обстоятельства того требуют, – закончила я, все еще усмехаясь. – Хотя бы для того, чтобы посмотреть, как у этой особы изменится выражение лица.

Хоуп, которая посмотреть на это, разумеется, не могла, улыбнулась и сказала, ловко налив себе чаю в здешнюю чашку:

– Значит, на этот раз никакого Блэкпула. Ну, ничего, у нас еще, слава богу, следующее лето впереди. Подай мне, пожалуйста, Фейт, это проклятое печенье,

«способствующее пищеварению».

Следующее лето… О том, что будет следующим летом, хорошо рассуждать, когда тебе двадцать пять, но в нашем возрасте до следующего лета смогут дожить отнюдь не все обитатели этого дома. Мы-то с Хоуп еще держимся, а вот миссис МакАлистер, например, уже с трудом соображает, какой сегодня день недели; а мистеру Баннерману, у которого легкие были прямо-таки изрешечены пулями, приходится по ночам подключать специальный аппарат, чтобы он мог хоть как-то дышать, однако он до сих пор курит, как паровоз, этот сквернослов и старый пьяница, потому что, по его собственным словам, кому, черт возьми, это надо – жить вечно?

Кроме того, я чисто случайно знаю, как много значат для Хоуп наши редкие поездки к морю. О, разумеется, я и сама очень радуюсь этим поездкам, хотя многое из того, что я так хорошо помню, в Блэкпуле уже исчезло. «Счастливая пикша», например, превратилась в ирландский паб, а дешевые гестхаусы уступили место дорогим современным гостиницам. К счастью, Хоуп ничего этого попросту не видит, а потому избавлена от подобных мелких разочарований. Она по-прежнему с наслаждением вдыхает в Блэкпуле типично английские запахи морского побережья – смешанный аромат морской соли, нанесенного приливами ила, бензина, жареной рыбы, масла для загара и сахарной ваты. Она с наслаждением слушает шепот волн, набегающих на галечный пляж, крики детей, шлепающих босиком по кромке воды. Ей приятно чувствовать под босыми ногами морской песок – я-то в своем инвалидном кресле никак не могу поводить ее по песочку, а вот Крис всегда с ней гуляет, подводя ее к самой воде, – и слушать податливый хруст щебня на дорожке, ведущей на пляж. Она радуется нашему общему пикнику – его всегда устраивают в одной и той же части пологого пляжа, где можем легко спуститься к воде даже мы, колясочники, – чаю из термоса, двум аккуратным, в четвертушку ломтя, сэндвичам (всегда одинаковым, чтобы не вызвать аллергии: один с тунцом, один с яйцом) и одному-единственному розовенькому пирожному, на девять десятых состоящему из сахара и украшенному ярко-красной синтетической половинкой вишенки; примерно такие пирожные нам покупали в детстве ко дню рождения. Хоуп нравится подбирать у самой воды ракушки – крупные, толстостенные, типично английские ракушки с чешуйчатыми створками и порослью других мелких ракушек-«пассажиров», а внутри такие гладкие, перламутровые – и складывать в карман округлые голыши, обкатанные морем.

То, чего она не видит, я всегда могу ей описать, хотя Хоуп многое подмечает гораздо лучше меня. И это отнюдь не связано с каким-то шестым чувством или чем-то подобным; просто она умеет на полную катушку использовать то, что у нее еще осталось в распоряжении.

– Ничего страшного, все будет хорошо, – утешила она меня, когда я снова пожаловалась, что нас оставили за бортом. – Мы прекрасно без этого обойдемся. Вспомни Сару…

Вспомни Сару. Легко сказать! Несправедливость того, как с нами поступили, не давала мне спать всю ночь; мерзкая мелкая несправедливость. «Правила есть правила», – сказала Лоррен, но мы обе прекрасно поняли, почему нас лишили удовольствия, наказав, точно детей, пойманных за сараем с сигаретой. Все это имело самое непосредственное отношение к власти над людьми, которых легко можно запугать, подчинить себе; и Лоррен, как прочие грубияны и задиры, сама будучи слабой, любила полюбоваться слабостью других. Разумеется, у нас хватило ума не показать ей, насколько мы расстроены. Только Веселый Крис это заметил – и очень рассердился из-за нас, хотя помочь нам ничем не мог. Мы даже Морин не стали жаловаться – хотя я сомневаюсь, что обращение к ней могло хоть что-то изменить. Мы просто сидели и мирно беседовали о Ривьере; о запахе тимьяна, который волнами наплывает с холмов; о том, сколькими волшебными оттенками синего и голубого обладает вода в Средиземном море; о макрели, поджаренной на решетке; о вкусных холодных коктейлях, которые так приятно пить, сидя на краю бассейна; о девушках в бикини из яркой материи в горошек, которые в изысканных позах возлежат в шезлонгах на палубе яхты с поднятыми парусами, похожими на крылья фантастической птицы…

Только Крис знал правду. Веселый Крис с серьгой в ухе и густыми патлами, стянутыми сзади в хвост. На самом деле он даже санитаром здесь не считался – хоть и выполнял работу медбрата за жалкие ползарплаты, – зато мы любили его больше всех; он, единственный из всего персонала, действительно по-дружески с нами беседовал и считал, что мы такие же полноценные люди, как и все остальные.

– Не повезло вам, Буч, – только и сказал он, услыхав, что мы с Хоуп никуда не едем; но в том, как он это сказал, было куда больше искреннего сочувствия, чем во всех сладеньких разъяснениях Лоррен. – Похоже, нам тут вместе торчать, – с улыбкой прибавил он, – я ведь тоже угодил в список нежелательных элементов.

Эти слова заставили меня улыбнуться. Лоррен нашего Криса терпеть не может, зато его любят все остальные обитатели нашего дома, хоть он и не настоящий медбрат; меня он называет Буч, а Хоуп – Санденс[12 - Имена главных героев знаменитого фильма Д. Р. Хилла «Буч Кэссиди и Санденс Кид» (1969), которых сыграли П. Ньюмен и Р. Редфорд.], никогда не пресмыкается перед начальством и не выказывает особого уважения тем, кто выше по должности, хотя они, наверное, именно этого и ожидают от человека, оказавшегося в его положении.

– Ничего, зато мы с вами вдоволь всяких старых песен попоем, верно?

Крис часто поет нам, когда не слышит начальство, – и рок-баллады, и арии из мюзиклов, и веселые песенки из старых водевилей, которым научился от своей бабушки. Голос у него весьма приятный, и он знает все старые хиты, а однажды – и это видели многие – он покружил меня в вальсе вместе с моим инвалидным креслом, и я так смеялась, что у меня даже голова закружилась; но при этом, какую бы чушь он ни нес, я ни разу не заметила в его поведении ни капли того унизительного, доброжелательно-снисходительного отношения, которое постоянно чувствуется у таких людей, как Морин и Лоррен.

– Спасибо, Кристофер, это будет просто чудесно, – с улыбкой сказала Хоуп, и Крис ушел обнадеженный тем, что все-таки сумел нас немного развеселить. Увы, на самом деле все обстояло куда печальней. Хоуп, конечно, никогда бы в этом не призналась, но я-то видела, как ужасно она огорчена. И дело было не в комфортабельном автобусе, не в термосах с чуть теплым чаем, не в том волшебном – из детства – пирожном с вишенкой, не в сладостном прикосновении босых ног к влажному морскому песку, не в соленом запахе моря. И даже не в том, что с нами разговаривали, как с малыми неразумными детьми. Главным было то, что нас попросту оставили за бортом; бросили и уехали. Блэкпул давал все же некую иллюзию свободы, надежду на досрочное освобождение из этой тюрьмы; спасением был уже сам тамошний воздух, легкая летняя атмосфера курортного приморского городка, веселая шумная толпа молодых людей на улицах, спешащих по своим делам. В атмосфере «Медоубэнк» всегда, знаете ли, чувствуется этакий специфический запах, точнее, смесь запахов – цветочного освежителя воздуха, вареной капусты, как в школьной столовой, и того, что почти всегда ощущается в таких местах, где бок о бок живет много немолодых и даже совсем дряхлых людей: пыльного, затхлого запаха старости. Хоуп каждый день пользуется духами «Шанель № 5» и утверждает, что только благодаря им избегает этого старушечьего запаха. В общем, я прекрасно понимала, каково ей сейчас.

А когда настал день поездки в Блэкпул, мы, затаив глубоко в душе ощущение полной заброшенности и отчаяния, смотрели, как обитатели дома собираются в дорогу; но мы обе, наверное, предпочли бы умереть, чем позволить кому бы то ни было заметить нашу тоску. Старички и старушки чистили и проветривали свои летние пальто (в «Медоубэнк» считается шикарным, если даже в самые жаркие дни, выходя из дома, непременно надевать пальто, шляпу, шарф и перчатки), укладывали вещи в дорожные сумки, рассовывали по карманам запасные носовые платки, выкладывали на видное место зонты и вставляли зубные протезы; словом, делали множество самых разнообразных вещей, которые казались им абсолютно необходимыми для того, чтобы провести один день на морском побережье.

Миссис Суотен с дамской сумочкой в руках бросила на меня выразительный взгляд и сказала:

– Говорят, сегодня на побережье все двадцать пять. Почти как на Средиземном море!

– Как приятно, – тут же откликнулась Хоуп. – Только мы с Фейт жару не любим. Когда слишком жарко, лучше, по-моему, остаться дома и посмотреть телевизор.

Миссис Суотен, которая целыми днями торчала у телевизора, смотрела мультфильмы про «Джерри-прыгуна», вызывавшие у нее все более сильное раздражение, даже зубами скрипнула от досады.

– Ну, это как вам будет угодно! – сказала она и, задрав нос, с достоинством проследовала к автобусу.

Поляк Джон некоторое время смотрел ей вслед, а потом сказал:

– Не слушайте ее. Наверняка снова дождь пойдет. Ничуть в этом не сомневаюсь. Стоит нам только поехать к морю, как непременно начинается дождь. Сам-то я не большой любитель моря, но любая поездка лучше, чем еще один день, проведенный в этом Освенциме, правда?

Мистер Браун, проходя мимо, услышал эти слова и обернулся. Мистер Браун – маленький, аккуратный, лысый человечек; он ходит, опираясь на палку, и очень любит поддразнивать Поляка Джона.

– Эх ты, невежа! – воскликнул он, бросив на него свирепый взгляд. – Разве ты не знаешь, что у меня отец погиб в Освенциме?

Подобное заявление Поляка Джона явно смутило. Впрочем, мы с Хоуп тоже впервые об этом услышали; мы трое так и уставились на мистера Брауна, думая, уж не произошли ли в его мозгу какие-то странные аберрации, как у миссис МакАлистер.

Но мистер Браун кивнул, словно подтверждая свои слова, и пояснил:

– Да, так и было. Он попросту напился вусмерть и свалился со сторожевой вышки. – С этими словами он удалился, оставив нас с Хоуп помирать со смеху, а Поляка Джона кипеть от ярости (далеко уже не впервые) и злобно глядеть ему вслед.

– Ну, если «дружеская» атмосфера во время поездки будет такова, – сказала я, – пожалуй, и впрямь лучше никуда не ездить.

– Согласна, – поддержала меня Хоуп. – Только представь себе – целых два часа торчать в битком набитом автобусе, где эта парочка без конца ссорится! Да там еще будут торчать Морин, Лоррен и миссис Суотен в придачу! Нет, я начинаю думать, что Сартр был прав, утверждая, что ад – это другие.

Иногда Хоуп забывает, что я незнакома с ее французскими коллегами. Хотя высказывание этого человека показалось мне весьма удачным. И все-таки, когда все обитатели «Медоубэнк» наконец собрались и были готовы к отъезду, мне снова стало не по себе и снова охватило ужасное чувство одиночества и заброшенности. Оранжевый автобус распахнул дверцы, первыми туда погрузились наши сиделки – маленькая Хелен, сердитая Клэр, страшно довольная собой Лоррен (да и пусть ее!) и, наконец, толстая Морин, которая чуть не лопалась от восторга и все блеяла: «Ну, разве не замечательно? Разве не замечательно?» – и, как кур, загоняла в автобус последних припозднившихся экскурсантов. Устроившаяся на заднем сиденье миссис МакАлистер, маленькая, высохшая, ясноглазая, все оглядывалась на нас в окошко и пищала, как птичка: «До свидания! До свидания!» – тоненьким возбужденным голоском. Наверное, думала, что ее везут домой. Может быть, именно поэтому она в этот теплый день напялила на себя практически весь свой гардероб – во всяком случае, я заметила три пальто, шотландский плед и два легких дождевика, коричневый и

бледно-голубой; из всех оттопыренных карманов у нее торчали запасные туфли. Это было почти смешно, и я даже слегка усмехнулась, но стоило автобусу выкатиться на подъездную дорожку, стоило гравию заскрипеть под его мощными колесами – ах, этот звук так похож на шелест волн, набегающих на усыпанный галькой берег! – и я не сумела сдержать слез. Не сомневаюсь, что и Хоуп в эти минуты испытывала примерно те же чувства.

– Вспомни Сару, – шепнула я ей, прекрасно понимая, что в данном случае «Маленькая принцесса» нам не поможет. Наверное, и чай не смог помочь, но я все-таки налила нам обеим по чашке из большого чайника, стоявшего на столике у стены, а потом подъехала на своем инвалидном кресле к окну – окна у нас в гостиной фонарем – и стала смотреть на улицу.

Похоже, день предстоял очень долгий и очень тоскливый.

У чая был привкус рыбы. Так здесь часто бывает, особенно если чай перестоится, и я отставила чашку. Хоуп подошла и села со мною рядом; вдоль стены тянулись особые перила, позволявшие ей, слепой, самостоятельно передвигаться. Довольно долго она сидела, не говоря ни слова, пила этот отвратительный, пахнущий рыбой чай и с наслаждением подставляла лицо теплым лучам утреннего солнца.

– Ну что ж, Фейт, – промолвила она наконец, – вот мы и остались с тобой вдвоем.

И это была чистая правда. В «Медоубэнк Хоум» нет специального больничного крыла, и каждый, кому необходима ежедневная медицинская помощь, вынужден обращаться в госпиталь при монастыре Всех Святых, это на нашей же улице, только чуть дальше. Я и сама как-то посещала эту больницу, когда у меня был затяжной бронхит; а мистер Баннерман был и вовсе вынужден ходить туда каждую неделю на осмотр. Но сегодня даже мистер Баннерман уехал к морю, и в доме, кроме нас, остались только дежурная Дениза, медбрат Печальный Гарри (на крайний случай) и Крис; но Крису Морин надавала столько поручений на время своего отсутствия (вымыть окна, поменять перегоревшие лампочки, взрыхлить и выполоть клумбы), что я сильно сомневалась, что мы хотя бы к вечеру сумеем его увидеть.

До полудня все шло именно так, как я и предполагала. Принесли и унесли чай; затем подали ланч (запеканку с творогом), которую мы поковыряли без особой

охоты. Здесь время вообще течет иначе, чем во внешнем мире, но сегодня оно текло, казалось, как-то особенно – невыносимо! – медленно. Обычно в полдень по телевизору показывают какой-нибудь фильм, но сегодня даже фильма не было; на экране толпились какие-то скучные люди, которые жаловались на своих родственников, примерно как наша миссис Суотен. Хоуп держалась изо всех сил, но к двум часам даже она утратила способность вести со мной бесконечные разговоры ни о чем, и мы с ней торчали в гостиной, точно две держалки для книг на полке, и мечтали, чтобы этот день поскорее кончился и по гравию вновь зашуршали колеса автобуса. Однако я понимала, что и тогда будет еще не конец. Еще придется выслушивать их рассказы, что они видели и что делали. Выезды за пределы «Медоубэнк» у нас крайне редки, и эта поездка к морю наверняка на ближайшие полгода обеспечит всех пищей для сплетен и сладких воспоминаний – помните-как-в-тот-раз-в-Блэкпуле? – меня уже заранее тошнило при одной мысли об этом. Хоуп явно одолевали те же предчувствия; на самом деле Хоуп гораздо чаще в большей или меньшей степени приходится сталкиваться с бестактными восклицаниями наших безмозглых «благожелательных» соседей: «ах-дорогая-если-бы-вы-только-могли-это-видеть!» – которыми они каждый раз напоминают ей, что она слепая.

И вдруг, глянув на нее, я обратила внимание на то, какое у нее лицо. Мне даже показалось, что она плачет – хотя Хоуп никогда не плачет. А вот сама я и впрямь плакала. Беззвучно, конечно. Но Хоуп все равно сразу это почувствовала и взяла меня за руку. Нет, подумала я, наверное, я все-таки ошибалась, наверное, оно все-таки существует, это шестое чувство. Мы сидели так довольно долго – а потом я была просто вынуждена позвать Печального Гарри, чтобы он отвез меня в ванную комнату, где я могла бы умыться.

Вернувшись в гостиную, я обнаружила, что вместе с Хоуп меня ждет Крис.

– Привет, Буч! – сказал он, широко улыбаясь, и я мгновенно приободрилась. Есть в Крисе что-то такое, отчего у человека сразу становится легче на душе; порой ему достаточно сказать какую-нибудь ерунду, а тебя словно веселая танцевальная мелодия подхватывает. В детстве я страшно любила кататься на карусели, которую устанавливали на ярмарке, и с наслаждением, смеясь, без передышки совершала круг за кругом на двухместном сиденье в виде огромной чаши. Вот Крис иногда пробуждает в моей душе примерно такие же чувства, как та карусель. Наверное, потому, что он еще очень молод – хотя, с другой стороны, мой сын Том никогда у меня подобных чувств не вызывал, даже когда ему было двадцать.

– Вы уже покончили со всеми своими делами, Крис? – спросила я. Я прекрасно знала, как много у него на сегодня всяких поручений, но все же надеялась, что он сумеет уделить нам хотя бы несколько минут.

– Я целиком в вашем распоряжении, моя дорогая, – с улыбкой ответствовал он и так лихо раскрутил меня в моем инвалидном кресле, что Печальный Гарри даже слегка испугался. – Между прочим, я тут вам кое-что принес. – И небрежным взмахом руки он отослал Гарри прочь: – Это секрет, Гарри, так что катись-ка отсюда.

Печальный Гарри в притворной обиде закатил глаза и ушел. Он тоже парень неплохой – правда, не такой веселый, как Крис, но и до противной зануды Лоррен ему далеко, – и я заметила, как он улыбнулся, закрывая за собой дверь.

– Секрет? – переспросила Хоуп с улыбкой.

– Вы еще спрашиваете! Для начала, Буч, гляньте-ка повнимательней. – И он высыпал мне на колени целую груду блестящих журналов и брошюр. Альгамбра, Вест-Индия, Ривьера, острова Кука – вот что было рассыпано у меня на коленях! Я видела лагуны с песчаными пляжами, чудесные заливчики, заросшие белыми лилиями, яхты, SPA-бассейны, резные деревянные блюда, полные тропических фруктов – ананасов, кокосов, манго, папайи…

В том, что касается чтения, наши с Хоуп вкусы несколько разнятся: она предпочитает книги, а я всегда питала слабость к глянцевым журналам. Чем больше глянца, тем лучше. Я люблю репортажи с презентаций высокой моды или с роскошных приемов в саду под открытым небом; фотографии новейших моделей автомобилей и дизайнерской обуви. Я даже слегка пискнула от восторга, увидев все эти блестящие обложки, а Крис рассмеялся и сказал:

– Это еще не все. Закройте-ка глаза.

– Что?

– Закройте глаза. Обе. И не открывайте, пока я не разрешу.

И мы закрыли глаза, чувствуя себя совершеннейшими детьми, и это было удивительно приятное ощущение. Несколько минут Крис совершал вокруг нас какие-то действия; я слышала, как он что-то убирает и что-то ставит на пол; потом чиркнул спичкой; звякнуло стекло; зашуршала бумага; послышалась целая череда загадочных щелчков и стуков, которые я распознать не сумела. Наконец я почувствовала, что он толкает мое кресло снова в сторону эркера; еще секунда, и он перетащил туда же кресло Хоуп и усадил ее. Я чувствовала теплое прикосновение солнечных лучей к моим волосам и нежное дуновение ветерка, а откуда-то из-за открытого окна доносилось монотонное гудение пчел.

– О’кей, дамы, – сказал Крис. – Открывайте глаза. Мы отправляемся.

Мы сидели в эркере спиной к окну, и послеполуденное солнце освещало комнату, словно волшебный фонарь. Повернув голову, я увидела, что Крис успел подвесить к люстре в холле несколько резных подвесок из цветного стекла, и лучи отраженного света пестрыми зайчиками плясали по простеньким обоям. Он также прикрепил к стенам несколько ярких постеров (хотя правила «Медоубэнк» это строжайше запрещали): белые дома под пурпурным закатным небом; зеленые острова, сфотографированные с воздуха и похожие на танцовщиц фламенко, трясущих своими юбками; обнаженные по пояс молодые красавцы, топчущие в огромных чанах зеленый виноград. Я громко рассмеялась – настолько все это было нелепо – и увидела, что Крис ставит на буфет четыре глазурованных свечи и зажигает их (нарушая тем самым еще одно незыблемое правило «Медоубэнк»). На свечах я сумела прочесть какое-то иностранное слово – Diptyque[13 - Диптих (фр.).], – которого не поняла. От свечей исходил приятный слабый аромат.

– Это ведь тимьян, верно? – услышала я голос Хоуп. – Ну да, дикий пурпурный тимьян! В Изе за нашим домом и чуть выше все склоны зарастают этим тимьяном, так что летом нас постоянно сопровождал его запах. Ох, Кристофер, и где только вы его разыскали?

Крис усмехнулся.

– Я решил, что сегодня нам не вредно было бы слетать на побережье. В Италии август слишком жаркий, а на Ривьере народу полным-полно. Остается Прованс? Но он, пожалуй, чересчур британский. А Флорида чересчур американская. Вот

мне и подумалось: а что, если нам немного погулять по большой белой дюне в Аркашоне, которая полого спускается к берегу Атлантического океана? Или просто посидеть там в тени сосен, слушая треск сверчков и далекий гул моря? Вы, кстати, слышите шум волн?

И я действительно услышала шепот морских волн, набегающих на берег, и их негромкое шипение, когда они отступают назад, словно набрав полный рот мелких камешков; услышала стрекот сверчков, ощутила дуновение ветра над головой…

Гипноз? Не совсем; я успела заметить, как Крис включил магнитофон, всегда стоявший у нас в комнате отдыха; из четырех больших динамиков как раз и доносились звуки моря и ветра. Крис, перехватив мой взгляд, усмехнулся:

– Ну что, нравится?

Я молча кивнула: говорить я была не в состоянии.

– А еще пахнет лавандой… – мечтательно промолвила Хоуп. – Голубой лавандой, которую мы любили зашивать в подушки. И травой – скошенной травой! – и зреющими фигами…

Наверное, Крис зажег еще какие-то ароматические свечи, подумала я; впрочем, у Хоуп обоняние всегда было куда лучше моего; я-то вообще едва различала все эти запахи. Зато отлично слышала гул моря, и шум сосен, и пронзительные крики птиц в поднебесье, таком же горячем и голубом, как на фотографиях в рекламных проспектах…

А Крис, опустившись перед нами на колени, разул нас – сперва Хоуп, потом меня. Туфли у нас были неброского, разумного, коричневого цвета, не особенно красивые, конечно, зато легко снимались и надевались – такие туфли в «Медоубэнк» носили все. Крис отшвырнул их (ах, правила, правила!), и они пролетели через всю комнату, а он быстро куда-то сходил и вернулся с квадратным тазом, полным воды, которая тяжело плескалась через край. Он подставил таз с водой Хоуп под ноги и предупредил:

– Боюсь, вода в Атлантике даже летом несколько холодновата. – Только тут я увидела, что в тазу не только вода, но и довольно много плоских округлых

камешков, какие часто встретишь на морском берегу. Хоуп с наслаждением опустила в воду свои босые старые ноги, и лицо ее вспыхнуло от нежданной радости.

– Ой! – вырвалось у нее. И в голосе послышались интонации пятнадцатилетней девочки, чуть задыхающейся от волнения и ярко разрумянившейся.

Крис сиял во весь рот.

– Не волнуйтесь, Буч, вечная моя любовь, – сказал он мне и снова куда-то ушел, бросив на ходу: – О вас я тоже, разумеется, не забыл.

Таз, который он принес для меня, был полон мягкого, сухого, рассыпчатого песка, который щекотал мне пальцы и слегка похрустывал под пятками. Я с наслаждением зарыла стопы в песок – ими я еще могла немного двигать, хотя с тех пор, как я ухитрялась выделывать сложные танцевальные па, прошло уже столько лет, что и вспомнить страшно, – и мысли мои унеслись в сладостные времена моего детства; мне снова было пять лет, и пляж в Брэкпуле снова был двадцать миль в длину, и летние облака казались мне клочьями чудесной сахарной ваты…

– После сытного ланча вы вряд ли успели проголодаться, – продолжал между тем Крис, – но я подумал, что надо все же попробовать предложить вам кое-что – вдруг понравится. – И откуда-то из очередной волшебной пещеры Аладдина, прятавшейся за стеной нашей гостиной, он притащил поднос с чудными яствами. – Конечно, не шампанское с черной икрой, – сказал он, – это мне не по карману, но я очень старался.

И это было заметно: там были чудесные канапе с оливками, сливочным сыром и тоненькими ломтиками семги; шоколадные пирожные и мягкое сливочное мороженое с манго и клубникой; ледяные коктейли с виски и маринованными маслинами (уж это-то было определенно против всяких правил!) и желтый лимонад; но лучше всего было то, что на подносе я не увидела ни сэндвичей с тунцом и яйцом, ни розовых «волшебных» пирожных с синтетической вишенкой!

Мне и в голову не приходило, что я настолько голодна. Мы с Хоуп прикончили все до последнего крекера! А потом снова с наслаждением шлепали по воде и песку, а Крис поднял крышку старого рояля, на котором, кроме него, по-моему,

никогда никто не играл, и мы втроем спели все наши старые любимые песни: «An Eighteen-Stone Champion», «You Know Last Night» и т. п., а потом Крис и Хоуп исполнили знаменитую песню Эдит Пиаф «Non, Je Ne Regrette Rien», после чего мы обе вдруг почувствовали себя настолько усталыми, что как-то незаметно уснули, а когда проснулись, то оказалось, что Крис успел унести и пустой поднос, и тазы с водой, песком и камешками и снял со стен постеры, а с люстры – цветные подвески.

И только магнитофон был все еще включен (должно быть, Крис успел перемотать пленку, пока мы спали). Свечи он тоже унес, но в комнате еще чувствовался их аромат – скошенной травы, зреющих фиг, лаванды и тимьяна; и этот аромат совершенно перекрывал тот характерный запах, что вечно царит в «Медоубэнк»; а когда я вернулась к себе в комнату, то нашла там все принесенные им рекламные проспекты и журналы; они были аккуратно засунуты за книги, стоявшие на полке, а на книгах лежала записка от Криса.

«С возвращением», – было написано в ней.

Я вернулась в гостиную как раз вовремя: почти сразу же мы с Хоуп услышали, как на подъездную дорожку сворачивает прибывший автобус. Хоуп бережно вынула из магнитофона кассету и спрятала ее в карман платья. Поджидая остальных, мы с ней не произнесли ни слова, но крепко держались за руки и улыбались. Вскоре появились и все наши друзья: Поляк Джон, миссис МакАлистер, мистер Баннерман, мистер Браун и бедная миссис Суотен, которая тут же принялась жаловаться: она потеряла на берегу свой кружевной платочек, в туфли у нее насыпалось слишком много песку, солнце палило так нещадно, что у нее наверняка тепловой удар, и в целом, сказала она, все было просто отвратительно, и никому не было дела до ее ужасных страданий. В общем, если б она только знала…

В царившей в гостиной суматохе никто не заметил, что и у нас тоже туфли в песке. Никто не обратил внимания на то, что мы обе без малейшего аппетита ковыряем вилкой «праздничные» котлеты, поданные на обед, – разве что Печальный Гарри как-то странно на нас посматривал, но Гарри болтать не любит, – и никому, похоже, не было дела до того, как рано мы обе улеглись спать. Хоуп сразу же после обеда удалилась к себе, чтобы насладиться ароматом свечей, которые Крис сунул ей в прикроватную тумбочку, а я отправилась листать и рассматривать глянцевые проспекты, мечтая об апельсиновых рощах, коктейлях «дайкири» с клубникой, полетах в дальние

страны и морских путешествиях на яхте. На следующей неделе мы, возможно, попробуем отправиться в Грецию. Или, может, на Багамы, или в Австралию, или в Париж, или в Нью-Йорк… Пусть Том не думает, что только он может туда ездить! Мы с Хоуп тоже на это способны. И потом, как любит говорить Хоуп, любое путешествие расширяет горизонты и прочищает мозги.

Никаких Бедфордских водопадов на свете нет!

В раннем детстве я безоговорочно верила в магию Рождества. А теперь, сколько ни стараюсь, я уже почти ничего хорошего в этом празднике не вижу, в глаза бросается лишь его кричаще безвкусный торгашеский дух, да все чаще возникает ощущение обманутых надежд и растущего разочарования. Этот рассказ я написала из желания воспротивиться всеобщему крушению иллюзий. Но отнюдь не уверена, что результат получился именно тот, которого я добивалась.

Шесть утра, а Санта на последнем издыхании. Очень кстати я его проверил; нельзя же допустить, чтобы именно сегодня у меня на лужайке перед домом торчал никуда не годный Санта. Очень портит настроение, знаете ли; а тут еще и соседи у меня все как на подбор противные – вечно им то одно не нравится, то другое. На прошлой неделе, например, их не устраивали мои пингвины. Три пингвина, веселые такие ребятишки. Последнее мое добавление к Стене Света; один пингвин в колпаке Санта-Клауса, а два других несут ледяные коньки; стоит их включить, и они начинают исполнять «Зимнюю волшебную страну», а потом всю ночь мигают огоньками.

Они и одного дня простоять не успели, как ко мне с жалобой явился мистер Бредшоу.

– Послушай, дружище, мы еще можем как-то мириться с твоими волшебными огоньками, танцующими снежными хлопьями, рождественскими елками, надувным снеговиком, вертепом и тремя волхвами; мы даже этого сверкающего Санту с его двенадцатью оленями готовы терпеть, но пингвины – это уже перебор. Нет, дорогой, их придется убрать.

По мне, так это у него перебор; он реагирует на моих пингвинов как-то уж чересчур болезненно. По-моему, нет ничего плохого в том, что я зажег несколько огоньков в канун Рождества. Я же не прошу никого другого этим заниматься. И не обижаюсь, когда соседи не отвечают на мои поздравительные открытки. Если честно, я и не жду ни от кого из них ни доброжелательности, ни особого расположения, но, по-моему, просто оставить меня в покое они вполне могли бы. Просто оставить меня в покое и позволить мне наслаждаться рождественским настроением так, как это нравится мне самому? Увы! Их вечно что-нибудь не устраивает. Если не пингвины, так колокольчики над санями Санты, которые им, видите ли, спать не дают. А один агент по продаже недвижимости даже попытался обвинить меня в том, что я сбиваю цены на дома. И в магазин кто-то пожаловался, что ему из-за моей Стены Света вовремя не привозят заказанные продукты. Порой даже наш почтальон начинает как-то странно на меня поглядывать, а сам остановится на подъездной дорожке и пялит глаза на мой дом. Местная шпана, случается, начинает в час ночи голосить во все горло «Silent Night» и оставляет у меня на крыльце пустые банки из-под пива. А на днях в супермаркете какой-то парень, увидев меня, завопил: «Эй, Санта, а где же твой олень?» – и новая кассирша, блондинка такая, не удержалась и самым непрофессиональным образом захихикала.

Вот почему я почти все продукты стараюсь заказывать на дом. Впрочем, это нетрудно; звонишь в отдел доставки с утра в понедельник, часов в девять, а через пару часов к твоему дому подъезжает фургон – и вот тебе, пожалуйста, запас продуктов на неделю: 1 средней величины мороженая индейка; 5 фунтов картофеля «Кинг Эдвардз», такого белого с красными пятнами; 1 фунт брюссельской капусты; 1 фунт моркови; 1 пакет шалфея и 1 пакет зеленого лука и прочей зелени; 1 банка соуса «Бисто»; 7 штук колбасок «Чиполата»; 7 тонких ломтиков бекона с прослойками жира; 1 роскошный «Рождественский пудинг»; 1 пакет роскошных сладких пирожков; 1 пакет драчены – кормить птиц; 1 бутылка сладкого шерри; 1 банка бранстонских пикулей; 1 средней величины буханка хлеба от «Уорбертона»; 1 маленькая коробка шоколадных конфет «Милк Трей» и, наконец, последнее, но едва ли не самое важное: 1 пакет экономичных крекеров, таких зеленых и красных, к которым прилагаются карнавальные шляпы и прочие безобидные штучки.

Я очень люблю Рождество. Правда, люблю. И поздравительные открытки писать люблю. И подарки заворачивать. И обязательно слушаю речь королевы и рождественский альбом Фила Спектора. Я обожаю елку с канителью и маленькими шоколадками, завернутыми в фольгу. И свою Стену Света. И искусственный снег на каминной полке. И венок из искусственной омелы на

входной двери. А вот из еды я даже не знаю, что мне нравится больше – рождественский обед, приготовленный по всем правилам, или сэндвичи с холодной индюшатиной и пикулями, которыми я подкрепляюсь поздно ночью, когда смотрю какой-нибудь старый фильм – «Белое Рождество» или «Жизнь чудесна»[14 - «Белое Рождество» (1954) – американская музыкальная комедия по мюзиклу И. Берлина; «Жизнь чудесна» (1947) – фильм американского режиссера Фрэнка Капры в стиле «социальной комедии», посвященный жизни в США в эпоху кризиса 30-х годов.], – сидя перед камином, возле которого висят шерстяные носки, а рядом на столике стоит бокал шерри и лежит одна-единственная шоколадка, и в душе моей зреет головокружительное предвкушение того, что именно сегодня ночью, единственной из всех волшебных ночей года, со мной может случиться… да просто все, что угодно!

Белое Рождество… К сожалению, такое у нас бывает не слишком часто. Чаще приходится обходиться искусственным снегом и ватой, обрызганной специальным «сверкающим» спреем из жестяной банки. Разумеется, всем этим ухищрениям далеко до настоящего снега с его безмолвным кружением и ощущением того, что теперь все на свете чудесным образом переменится и обновится. «Let it snow, let it snow, let it snow»[15 - «Пусть идет снег» (англ.).], – как поется в популярной песенке. Шанс, что снег все-таки пойдет, разумеется, невелик, особенно если учесть глобальное потепление, о котором мы постоянно слышим, но надеяться-то все-таки можно…

Филлис капитулировала два года назад. Она ушла из дома как раз между «Моркам и Уайз шоу»[16 - Еженедельная эстрадная телепередача, в которой главные роли исполняют комики Эрик Моркам и Эрни Уайз; идет на Би-би-си с 1968 г.] и речью королевы (в видеозаписи 1977 года, одной из многих ее речей, бережно хранимых на всякий случай). Даже подарок свой распечатать не пожелала. Она – что весьма для нее типично – оставила какую-то сумбурную записку, в которой сообщала, что больше не в силах все это выносить и что надеялась, что, выйдя на пенсию, мы начнем путешествовать, но этого не произошло, а ей так хотелось перемен, но она мне непременно напишет, как только устроится. И она действительно регулярно мне пишет – раз в год я получаю от нее длинное, исполненное сознания собственного долга письмо (но ни в коем случае не рождественскую открытку!) с пожеланиями всего наилучшего.

Она никогда по-настоящему не ощущала духа Рождества – в отличие от меня.

О, как бы мне хотелось, чтобы каждый день было Рождество…

Только представьте себе: каждый день – Рождество; каждый день все начинается сначала; каждый день снова праздник! Каштаны, жарящиеся на решетке под открытым небом (хотя я вполне могу обойтись и обычной газовой плитой); песенка «Я видел, как мамочка целовала Санта-Клауса»…

Однако меня и впрямь несколько беспокоит состояние моего Санты: его вполне могли повредить нарочно. Например, кто-то из моих ворчливых соседей, имеющих на меня зуб, или дети гуляли-гуляли и решили немного похулиганить. С другой стороны, вполне мог сгореть какой-нибудь предохранитель, или просто лампочка перегорела – такое ведь часто случается; хотя днем я стараюсь все же выключать свою иллюминацию (я ведь на пенсии, знаете ли, так что приходится думать о счетах за электричество), понимая, что моя Стена Света явно не рассчитана на столь интенсивное использование. И все же менять ее я не стану. Ни ради дружбы с мистером Бредшоу, ни ради благожелательного отношения соседей; я не откажусь от нее даже ради самого лучшего на свете китайского чая.

Фильм «Жизнь чудесна» я смотрел уже 354 раза. 1946 год, режиссер Фрэнк Капра, актеры Джеймс Стюарт и Генри Трэверз. Этот фильм был создан, когда мне было шесть лет, и он рассказывал о таком мире, где мужчины носили шляпы и целиком и полностью отвечали за финансовое положение семьи. В этом мире розовощекие детишки катались на коньках по замерзшему деревенскому пруду, и соседи относились друг к другу по-соседски, а не вели себя как самодовольные яппи, которые, будучи хозяевами многих здешних домов, желают непременно продать их подороже.

В этом фильме город назывался Бедфорд-Фоллз – Бедфордские Водопады. Много лет я считал это место вполне реальным. И очень хотел там жить – даже однажды собрался туда эмигрировать, надеясь, что только меня и ждут в этом чудесном городке, по колено засыпанном снегом и охваченном радостной святочной суетой. Но потом мне объяснили, что такого места на свете нет. А я взял и доказал, что все они ошибаются! Я переименовал свой дом и улицу и теперь проживаю по адресу: коттедж «Бедфордские водопады», улица Праздничная, Молбри; и Рождество у меня бывает тогда, когда я этого захочу.

Разумеется, все вокруг считают, что я спятил. Ну и пусть; я не более сумасшедший, чем тот коротышка из закусочной «фиш-н-чипс», который воображает себя Элвисом Пресли; или Смит, что живет на нашей улице, только чуть дальше, который и вовсе считает себя друидом или кем-то в этом роде; или миссис Гоулайтли[17 - Эту фамилию можно перевести, как Беззаботная.], которая в три часа ночи любит прогуливаться на автомобильной парковке у универсама «Теско»; или наши Эл и Кристина, которые все стараются к Новому году непременно сбросить по пять стоунов[18 - Стоун равен 6,34 кг.] каждый. И почему, скажите на милость, Рождество следует непременно праздновать раз в году? Почему мне нельзя праздновать то, что мне нравится и когда я сам этого хочу?

Не могу сказать, что это легко – всегда так поступать. Быть не таким, как все, вообще непросто – Джимми Стюарт[19 - Джеймс Стюарт – американский актер, в кино с 1935 года; играл мужественных «стопроцентных» американцев; лауреат нескольких премий, в том числе «Оскара» (1940); неоднократно входил в список наиболее популярных актеров США.] хорошо это понимал, играя в фильме «Жизнь чудесна»; но еще труднее отказаться от того, к чему ты стремишься, что считаешь самым правильным в жизни. Вот Джимми Стюарт обладал истинной чистотой и целостностью характера. И своими поступками заставлял других тоже меняться. А ведь это очень важно. Вот и я пытаюсь это делать – по-своему, конечно. Пытаюсь изменять вещи. Пытаюсь зажечь небо. Вернуть на лица детей, слоняющихся по улицам с прилипшим к нижней губе окурком, восхищение чудом. А Рождество по сути своей – это время чудес, не так ли? Время волшебства, тайны, маленьких рюмочек вина и сверкающих от счастья глаз. Я, знаете ли, по-настоящему верю в чудеса. Приходится верить – не правда ли? – когда ничего другого не остается.

Но до чего же трудно сохранять эту веру день за днем, когда никто вокруг твоей веры не разделяет, когда все считают тебя посмешищем. В прошлом году, в декабре, я попытался принять участие в одном шоу, устроенном новостной телепрограммой; мне самому хотелось понять, зачем я все это делаю и почему так поступаю. Мне они там показались сперва такими милыми; дама-интервьюер была хорошенькая и очень добрая с виду; операторы с удовольствием лакомились моими сладкими пирожками, пили мой чай и смеялись над моими шутками. Но передачу показали в августе, в самый неподходящий сезон, хотя о ней даже в газетах написали – под заголовком «Изменяющий ход времени Санта молит о пришествии снега», – и некоторое время к нам отовсюду приезжали люди, чтобы посмотреть на мою Стену Света и посмеяться над сумасшедшим старым ублюдком, который думает, что Рождество бывает каждый день.

Какое-то время это было даже отчасти забавно. Дети приходили, чтобы побеседовать со мной; некоторые даже присылали мне к Рождеству поздравительные открытки. А потом вдруг все кончилось. Обо мне узнали не там, где нужно, и какие-то вандалы вломились ко мне в сад и вдрызг разнесли всю мою иллюминацию; а некоторые газеты даже стали распространять слухи, что я – извращенец, обманом заманивающий к себе в дом малышей. Подобные статейки выходили под заголовками типа «Злой Санта» – и в итоге дети стали меня избегать, а то и писали с помощью баллончиков с краской всякие гадости на моей садовой изгороди. С тех пор прошло уже четыре месяца, но гадости они по-прежнему пишут.

Я отремонтировал своего Санту. К счастью, у него только проводка разболталась, и особого вреда эти вандалы ему не нанесли. Наверное, это должно было немного поднять мне настроение, но отчего-то веселей не стало. В шесть утра еще совсем темно, и я в последний раз включаю свою Стену Света – просто чтобы увидеть ее во всей красе до восхода солнца. Смешно, но ощущения, что близится Рождество, у меня при этом больше не возникало. Похоже, я в кои-то веки совпал с календарем; в кои-то веки шагал в ногу со всем остальным миром. Даже сломанные часы два раза в день показывают время правильно – Филлис часто так говорила; именно такими сломанными часами я и чувствовал себя этим рождественским утром. Часами, у которых есть только циферблат, но нет маятника.

Обычно в шесть утра я готовлю себе легкий завтрак – чай и тосты с джемом, – затем чищу брюссельскую капусту, морковь и картошку и сую в духовку индейку, чтобы к ланчу она была готова. Но сегодня я что-то не испытывал ни малейшего желания этим заниматься. Телевизор? Там по одному из кабельных каналов идет «Рождественский гимн» (классическая вариация 1938 года с Реджинальдом Оуэном); странно, но именно сегодня мне почему-то совершенно не хотелось смотреть старые фильмы. Этот фильм я видел 104 раза (и еще 57 раз римейк 1951 года с Аластером Симом). А на другом канале вот-вот начнется «Белое Рождество» (его я видел 301 раз, а может, и больше), затем пойдет «Жизнь чудесна». Столько старых фильмов на разных каналах, но сегодня они мне почему-то были совсем не интересны. Ладно, попробуем включить радио. На всех станциях рождественская музыка. У меня у самого целая куча рождественских записей – от хора «Кингз Колледж», который фантастически исполняет «Silent Night», до Майка Бата с его «Wombling Merry Christmas». Я все это знаю наизусть, но сегодня ни на чем сосредоточиться не могу. В итоге от музыки у меня даже голова начала кружиться, а от чрезмерно веселых голосов

диджеев в душе воцарилась ужасающая тишина.

Let it snow, let it snow, let it snow…

Я выглянул в окно, но снег так и не пошел. За окном был только ветер да огромное черно-синее небо без звезд. В соседних домах уже начинали зажигать свет. Дети Бредшоу, одному пять, другому семь, встали уже давно – я видел, как они возятся у себя в спальне, как прижимают к окну свои чумазые мордашки, желая полюбоваться пляшущими у меня на крыше пингвинами.

Проклятые пингвины! Круглые сутки, не умолкая, поют «Чудесная зимняя страна»! И как только я это выдерживаю? Нет, мистер Бредшоу прав: эти пингвины – и в самом деле ошибка. Я решительно встал и, хотя до рассвета было еще добрых два часа, выключил Стену Света.

Внезапная темнота меня буквально оглушила; обычно, тем более при раздернутых шторах, снаружи в гостиную попадает достаточно света, чтобы там было почти светло. Но сейчас моя гостиная была освещена лишь огоньками на маленькой искусственной елочке возле телевизора и гирляндой волшебных фонариков на каминной полке. Просто из любопытства я и это все тоже выключил. В полной темноте мне стало немного легче. И я попытался себе представить, что вот возьму и не стану на этот раз праздновать никакого Рождества! Не будет ни пудинга, ни пирожков, ни речи королевы, ни фильма «Жизнь чудесна», ни картошки, запеченной в сливках, ни соуса «Бисто», ни сэндвичей с индюшатиной, ни старых записей «Моркам и Уайз», ни подарков, ни елочной канители – только покой и благодать.

На мгновение эта мысль меня прямо-таки заворожила. Уступить, освободиться от всего этого и просто почитать – скажем, какой-нибудь триллер или исторический роман – за простеньким ланчем из сыра и крекеров. Или, может быть, даже заглянуть к Филлис. Она ведь живет совсем недалеко – нужно всего лишь доехать на автобусе до Медоубэнк-роуд… И я уже почти видел, как делаю все это – покупаю билет, иду по гравиевой дорожке, стучусь в дверь (возможно, к дверному молотку будет прикреплена гирлянда из падуба), говорю ей: «Доброе утро, Филлис!» (хотя, возможно, «Веселого Рождества!» я ей и не скажу), вижу ее улыбку, ощущаю исходящий от нее аромат розовой воды и свежего белья. Это ведь проще простого! И никаких тебе огней, никаких чудес. Никакого ангела, указующего путь. Никаких Бедфордских Водопадов.

А ведь ты легко мог бы это сделать. Да-да, запросто. Голос, что звучал у меня в ушах, был немного похож на голос Аластера Сима из «Рождественского гимна», версия 1951 года. Бодрый такой, властный, его просто так не заставишь умолкнуть. Возьми и просто остановись. Прямо сегодня. В эту самую минуту. Сейчас.

Неужели я действительно смогу это сделать? Эта мысль принесла мне неописуемое облегчение. Облегчение и одновременно ощущение ужасного, невыразимого страха. Как это – остановиться? Просто взять и остановиться? И что же я тогда буду делать?

И я снова представил себе, как иду по гравиевой дорожке к дому Фил. Я почти слышал морозный хруст гравия у себя под ногами. У ее дверей наверняка будет горшок с лавандой, а вдоль дорожки рядком морозоустойчивые анютины глазки. У Филлис на редкость милая улыбка, особенно когда ее застанешь врасплох, и очаровательная привычка убирать за ухо прядь непокорных волос. Возможно, на каминной полке будет стоять горячий чайник, а на столике у кресла – коробка печенья. Она любит рассматривать рекламные проспекты о путешествиях; и, возможно, на этот раз мы стали бы делать это вместе и могли бы провести Рождество, скажем, в Португалии, в Италии или в Испании. Ведь в это время года в Англии и впрямь слишком холодно. Да и перемена мест нам отнюдь бы не помешала.

Я почти видел все это, почти слышал – точно некую воображаемую музыку. Иная, новая жизнь, новые надежды, новые места – далеко за пределами Бедфордских Водопадов с их вечным искусственным снегом. Несколько мгновений я был точно в бреду; вскочил, оставив любимое кресло, и уже коснулся ручки двери, оставив на вешалке свои пальто и шляпу, ибо мне казалось, что даже одна секунда, которую я потрачу на то, чтобы обернуться и взять их, может стать последней, фатальной, и тогда Бедфордские Водопады все-таки сумеют затянуть меня обратно…

И вдруг, совершенно неожиданно, раздался звонок в дверь.

Сегодня? В шесть утра? Неслыханно! Это точно не почтальон (почту в Рождество не разносят). И явно не представители семейства Бредшоу с жалобой на слишком яркий свет у меня во дворе. Кто же тогда? Что за таинственный гость? Или это просто кто-то пошутил? Я поспешно распахнул дверь. Ледяной ветер ворвался в комнату, принеся с собой запахи Рождества – гвоздики, яблок, хвои,

бренди, – но за дверью никого не оказалось. И калитка закрыта, и улица совершенно пуста. Но колокольчик-то звонил!

Каждый раз, как услышишь, как звонит колокольчик…

Я узнал этот голос, голос Генри Трэверза из фильма «Жизнь чудесна» – добрый, теплый, которому невозможно сопротивляться. Странно, но этот голос был чем-то похож и на мой собственный; причем настолько, что незнакомый человек вряд ли сумел бы различить наши голоса. Как мне могло прийти в голову, что моя работа закончена? Что я имею право в такой день оставить свой пост? Тебе, между прочим, еще подарки заворачивать нужно, требовательно напомнил голос. И брюссельскую капусту почистить, и рождественские гимны спеть, и картошку поджарить; нужно скатать начинку в шарики и выложить в форму для запекания вместе с колбасками и ломтиками бекона; выпотрошить размороженную индейку; выложить пудинг в керамическую миску и приготовить его на пару. Если всех этих дел не переделать, кто знает, какие ужасные шлюзы могут тогда открыться? Какие звезды могут погаснуть? Какие проповеди пропадут зря? Какие души так и не обретут спасения?

Нет, теперь я отчетливо понимал: об уходе не может быть и речи. Я – как те сломанные часы, стрелки которых навсегда замерли, показывая некий невообразимый час. Пусть уж другие движутся дальше, если должны, если могут, а у меня пока что обязанностей хватает. И дел, которые нужно завершить. И жертв, которые нужно принести. И носков, в которые нужно положить подарки. И предостережений, которые нужно сделать. И жизней, которых нужно коснуться. Нравится это кому-то или нет, но я являю собой Призрак Рождества и обязан выполнить то, что мне поручено.

Я очень медленно повернулся к двери спиной, щелкнул выключателем, и Стена Света вспыхнула вновь, а на каминной полке замигали волшебные фонарики. Должно быть, когда я открывал дверь, запах сосновой хвои, такой странно ностальгический, успел просочиться внутрь и все еще царил у меня в гостиной. И, посмотрев в фиолетовое небо, уже начинавшее медленно светлеть, я увидел, как оттуда, кружась, падают первые легкие снежинки.

Желаете возобновить связь?

Интернет представляется мне самым подходящим местом для возникновения историй о привидениях. Светящийся в глубокой ночи экран лэптопа; голоса из иного мира. Когда я писала «Blueeyedboy»[20 - В русском издании – «Мальчик с голубыми глазами», издательство «Эксмо», 2011.]– а это, хотя, наверное, не все со мной согласятся, тоже явно история о привидениях, – я обнаружила, что все сильней восхищаюсь тем, сколь сильно мы теперь зависим от виртуального мира; от тех отношений, которые мы в этом виртуальном мире завязываем; от сообществ, которые мы там создаем; от людей, с которыми мы там контактируем, хотя в реальной жизни, возможно, никогда с ними и не встретимся. Этот мир может стать как дружеским застольем, так и самым одиноким местом на свете. Все зависит от восприятия.

Там, в Сети, никто по-настоящему не умирает. Это истина, которую я только теперь начинаю постигать. То, что кажется абсолютно эфемерным, собрано здесь и хранится вечно; оно может оказаться даже хорошо спрятанным, и все же его вполне можно вновь отыскать и извлечь, чем и занимаются те, кто действительно хочет восстановить некие тонкие ломтики прошлого, отдельные страницы из архивов забвения.

Я впервые воспользовалась Твиттером два года назад, чтобы поддерживать связь со своим сыном Чарли. Ему было девятнадцать, и он учился в университете вдалеке от меня. Мы всегда были с ним очень близки, и я понимала: когда он уедет, в моей жизни возникнет некая пустота. Вот только ни размеров, ни глубины этой пустоты я себе не представляла; как не представляла и того, сколько долгих часов проведу в ожидании звонка от него, снедаемая вечным беспокойством. И не то чтобы я чего-то боялась, но жить одной, без него, в этом просторном доме, оказалось гораздо труднее, чем я ожидала.

У нас очень большой дом; возможно, даже слишком большой для двоих – матери и сына. Сад, занимающий целых четыре акра; большой луг, лес, речка, протекающая через этот лес. Но Чарли как-то ухитрялся заполнить собой все пространство вокруг меня, и оно оживало, взрывалось, жужжало от его беспокойной энергии. А теперь смотреть вокруг стало почти невыносимо. Нет, мне не казалось, что я окружена пустотой, но привычное пространство словно населили призраки прошлого: пятилетний Чарли в своем домике на дереве; Чарли с полной банкой головастиков; Чарли, играющий на гитаре; Чарли, устраивающий с помощью старого деревянного театра марионеток

представление под музыку «We Will Rock You» из альбома «Queen’s Greatest Hits» в CD-записи. Пока он не уехал, я и не подозревала, как много места способен занять один-единственный мальчик и как много тишины обрушится на меня в его отсутствие; той тишины, которая давит на наш дом так, словно у него вдруг увеличилась сила тяжести.

Но затем сын ввел меня в мир социальных сетей – в Facebook, YouTube и, самое главное, Twitter, который я сперва отвергла как наименее значимый из всех, но который, как я теперь понимаю, и стал для меня спасательным кругом. Теперь я обрела способность почти касаться своего сына и знать все, что происходит в его новом мире; я получила возможность связаться с ним в любую минуту, когда только захочу, – и все это имело для меня огромное значение, и все это я, несмотря на всю свою нелюбовь к технике, приняла. Приняла всей душой. Ради сына, конечно.

Мое имя в Сети – @MTnestgirl, что-то вроде «девушки из гнездышка», – явно связано с любовью Чарли к музыкальному театру и ко мне, его дорогой матери. Себе Чарли выбрал сетевой ник @Llamadude, довольно нелепое имечко, по-моему, но странным образом очень ему подходящее[21 - Букв. «неадекватный пижон» (англ.).].

– Я всегда буду на связи, – сказал он. – Обещаю. Где бы я ни находился.

И он всегда был на связи: связывался со мной по мобильному BlackBerry из университета; из разных кафе и разных стран; во время концертов, загородных поездок и всяких фестивалей. Мобильная связь, разумеется, есть не везде, но Чарли свое слово держал: мы каждый день общались с ним в Твиттере. На это нужно совсем мало времени; максимум сто сорок знаков, несколько мгновений, чтобы кликнуть адрес или послать фото со своего телефона…

И вдруг оказалось, что я больше не одна; теперь я была там, вместе с Чарли и его друзьями. Я вместе с ними ходила на лекции, вместе с ними смотрела интересующие их фильмы, слушала музыку, которая им нравится. Чарли пользовался Твиттером для связи с невероятно широким кругом людей: не только с друзьями из своей реальной жизни, но и с театральными режиссерами, которых он никогда в жизни не видел, с актерами, певцами, писателями, представителями различных технических специальностей. И его виртуальные друзья стали и моими друзьями тоже. Я заходила на их вебсайты и блоги; смотрела их клипы и концерты; участвовала в их жизни. Словно загадочным

образом заглядывая в зазеркалье, я могла наблюдать за тем, как мой сын взаимодействует с людьми. Я не могла прикоснуться к нему «во плоти», но участвовала буквально во всем, чем он занимался, – точно некий любящий призрак, недремлющее око, призрак из машины[22 - Одно из излюбленных выражений Дж. Харрис, созданное по аналогии с «богом из машины» – драматургическим приемом, применявшимся в античной трагедии, когда запутанная интрига получала разрешение благодаря вмешательству бога, который с помощью механического приспособления появлялся на сцене.].

Новости в Твиттере разносятся чрезвычайно быстро. И с той же скоростью могут разбиваться сердца. Зимнее утро, обледенелая дорога, грузовик, появившийся невесть откуда, и мой сын на своем байке – на том самом, что я ему подарила на восемнадцатый день рождения…

Сто сорок знаков – этого более чем достаточно, чтобы твоему миру пришел конец. Сперва посыпались разные сообщения как у меня в Фейсбуке, так и у него – OMG[23 - Oh, my God! (англ.) – компьютерный жаргон: «О, боже мой!»], это правда – насчет @lamadude? Что нового о нем слышно? Кто хоть что-нибудь о нем знает? А на связь с @MTnestgirl выходили?

А потом, почти сразу же, повторявшееся все снова и снова восклицание: Ах, мать твою!..

Смерть должна быть безмолвной, сказала я себе. Смерть должна походить на черную дыру. Но весть о гибели Чарли разнеслась по Твиттеру с тем же морфическим резонансом, с той же мистической, загадочной силой, какая удерживает тысячи птиц в стае и придает этой стае форму расширяющейся спирали, исходящей пронзительным полубессознательным криком…

Говорят, что птицы – это посланники между мирами живых и мертвых. В то утро птицы в Твиттере, эти виртуальные предвестники смерти, выступили необычайно мощно; они кричали дико и беспомощно, и шелест их крыльев был точно стена белого шума.

До смерти Чарли у меня было всего около дюжины фолловеров. Теперь же со мной на связь выходили люди, совершенно мне незнакомые. Сотни людей! Чего они хотели? Выразить сочувствие? Тайно позлорадствовать? Или, может, разделить со мной трагедию, произошедшую в реальной жизни?

Я сказала себе: я должна уйти из Сети. Мне стало почти невыносимо в Фейсбуке. Там страшная весть о гибели Чарли разнеслась всего за несколько минут. Тысячи пользователей Твиттера вышли со мной на связь. Незнакомые люди выражали мне соболезнования; певцы и актеры, с которыми виртуально общался мой сын, присылали слова сочувствия. Я чувствовала, что это выше моих сил, что мне этого не вынести, но отключиться не могла.

Я помню, как Чарли однажды рассказал мне о Коте Шрёдингера[24 - Эрвин Шрёдингер (1887–1961) – австрийский физик-релятивист, один из создателей квантовой механики; создатель «уравнения Шрёдингера» – основного уравнения нерелятивистской квантовой механики; автор многочисленных работ по биофизике, теории относительности и др.], существе одновременно и живом, и мертвом, помещенном как бы между двумя реальностями. Так вот, в Твиттере Чарли был еще жив; я по-прежнему видела его страницу в Фейсбуке, понимая, что всего за час до того, как отослать свой пост, он с восхищением предвкушал поездку в Лондон на спектакль «Les Miserables»[25 - «Отверженные», роман В. Гюго.]; что на завтрак он съел сэндвич с беконом; что сменил свой прежний аватар на фотографию, которую я сделала много лет назад, – двенадцатилетний Чарли с торжествующим видом стоит на берегу моря, широко расставив ноги над монументальным замком из песка, а на парапет обрушиваются приливные волны с белыми гребешками, и чайки стремительно ныряют в воду…

А в том, другом, реальном, мире я продолжала совершать некие телодвижения, словно все еще была жива. Но теперь все вокруг казалось мне чем-то вроде фотографий, выполненных в технике сепии. Подготовка к похоронам; похороны; мужчины и женщины, похожие на стаю черных птиц с картин Магритта[26 - Рене Магритт (1898–1967) – бельгийский художник-сюрреалист.], вьющихся вокруг дыры в земле. И я ринулась обратно в Твиттер, испытывая смешанное ощущение страшного горя и вместе с тем облегчения – облегчения, потому что покинула этот мертвый мир; горя, потому что вынуждена была собственными глазами видеть, как количество посещений на странице Чарли все уменьшается, и последние уже имеют пометку не «24 часа назад», а куда более отдаленные даты.

Тогда я решила удалить аккаунт Чарли. Но для этого мне был нужен его пароль. Впрочем, этот пароль одинаково подходил для всех его аккаунтов; его страница в Фейсбуке была по-прежнему открыта, и на стене у него было полно посланий. И на его канале в YouTube кипела жизнь; там было полно его видео; а когда я снова залогинилась в Твиттере, то первое, что я увидела, это рекомендованный

список лиц, с которыми мне, возможно, захочется вступить в переписку, и среди них был, разумеется, @Llamadude.

Еще хуже обстояло дело с электронной почтой. Она автоматически поступала на мой адрес через определенные интервалы с сообщением: «Пользователь, страницу которого вы смотрите (@Llamadude), не выходил в Сеть 14 дней. Хотите возобновить связь?»

Сперва я подобные послания удаляла. Пыталась блокировать их доступ, но Чарли когда-то давно сам меня подключил, и теперь я не знала, как изменить настройку.

«Хотите возобновить связь?»

Я подумывала о том, чтобы вообще перестать пользоваться Сетью. Но Твиттер уже стал для меня чем-то большим, чем просто средство связи. Там я чувствовала себя ближе к Чарли. Там, среди его виртуальных друзей. Там люди по-прежнему упоминали его имя, и в таких случаях оно непременно появлялось на моей странице в Фейсбуке. А иногда и все комменты с тегом сетевого имени Чарли; и было так легко представить его среди живых – слушающим других людей, участвующим в общей беседе. Мне кажется, что таким способом и сами они как бы сохраняли ему жизнь среди живых, убеждая себя и других, что все мы его по-прежнему помним.

– Тебе надо чаще выходить из дома, – твердила мне моя мать. – Это же просто нездорово, наконец! Ты все время сидишь здесь и хандришь. Если ты будешь часами торчать в Твиттере, это все равно не вернет назад нашего мальчика…

Да, конечно, мама, Твиттер его не вернет, однако…

У египтян были пирамиды. У викторианцев – мраморные гробницы. А у Чарли был Твиттер; может, это и нездорово, но именно там мой сын продолжал жить; там он преуспевал в делах, там он был похоронен и навеки помещен в священную крипту. Я обнаружила, что невольно включаю его имя в каждый свой твит. Мои комментарии заполняли его страницу в Фейсбуке. Все больше отдалялся от меня тот день, когда он опубликовал свой последний пост. Некоторые приходят на кладбище, чтобы поговорить с любимыми, давно уже лежащими в могиле; я же разговаривала с Чарли, сидя у себя в комнате, и рядом со мной стояла чашка с

крепким чаем и тарелочка с печеньем. Я рассказывала сыну, как провела время; описывала наш сад; цитировала стихи из мюзиклов; пересылала на его адрес те посты из Твиттера, которые ему бы наверняка понравились. Постепенно число моих фолловеров стало расти. В данный момент их более двух тысяч.

И только автоматические уведомления напоминали мне о том, что он уже в ином мире: «Пользователь, страницу которого вы смотрите (@Llamadude), не выходил в Сеть 40 дней. Хотите возобновить связь?»

На этот раз я нажала на опцию «Да».

И через какое-то время у меня в «почтовом ящике» появилось сообщение:

«@Llamadude ответил на ваш твит».

Разумеется, это было невозможно. Наверняка ошибка, подумала я. Никто больше страницей Чарли не пользовался. Мой сын был очень щепетилен и всегда заботился о безопасности; пароли он выбирал очень тщательно, стараясь исключить любую попытку хакерства. Я поспешно залогинилась в Твиттере и перелистала адреса тех, кто мне писал.

Вот оно! Да, это было от него. От @Llamadude. Три маленьких символа, объединенных в триграмму – точка с запятой, тире, скобка, – одно из многочисленных изобретений, известных интернет-сообществу, как emoticons, символы эмоций. В данном случае это был как бы подмигивающий глаз с легкой улыбкой и рядом аватар моего покойного сына.

;-)

Довольно долго я просто смотрела на этот значок и не могла отвести глаз. Простое соединение знаков препинания. И я, разумеется, понимала, что это прислал не мой сын; и все же какая-то часть моей души этому пониманию противилась. Тесты, проведенные с пользователями Твиттера, давно доказали, что мы испытываем такой же прилив эндорфинов, когда смотрим на аватар своего друга, как и когда видим этого друга во плоти. Для меня это был Чарли, и это он улыбался мне оттуда, из могилы…

Должно быть, кто-то все же хакнул его аккаунт. Либо это, либо кто-то из друзей Чарли сумел узнать его пароль. Я с тревогой ждала неизбежной волны всяких дурацких посланий, которые должны были бы последовать, если в его аккаунт действительно влезли; или, что еще хуже, пьяных откровений кого-то из его приятелей, с которым они вместе снимали квартиру и который решил присвоить себе его сетевое имя. Но ничего подобного не произошло. Там была только эта улыбка…

;-)

И никто больше, похоже, ее не заметил. Большинство френдов Чарли с моей страницы ушло. Мои фолловеры тоже постепенно расплывались в разные стороны, их куда больше интересовали всякие вооруженные столкновения и войны. Я рассказала об этом матери, и та настоятельно потребовала, чтобы я обратилась к хорошему врачу, «способному исцелить меня от тяжелой депрессии».

Но я уже чувствовала, как во мне что-то меняется. Моя мать никогда бы не сумела меня понять. Крошечное послание, полученное мной от сына, успело изменить как бы саму структуру моего горя. И нечто, казалось бы, утраченное навсегда, стало медленно выплывать из беспросветной черноты…

Не всегда легко поддерживать контакт. Интернет при всей его сложности все еще продолжает развиваться и не везде работает одинаково хорошо. В самых отдаленных уголках света все еще приходится порой ожидать несколько минут – а то и часов, – чтобы возникла жизненно необходимая вам связь.

Эта мысль представлялась мне слишком абсурдной, чтобы я смогла выразить ее словами. И все же, когда по-прежнему ночи напролет я просиживала за письменным столом, не сводя глаз с экрана компьютера, эта мысль не давала мне покоя – было в ней нечто неотразимое. Ведь когда-то Чарли обещал всегда быть со мной на связи. И теперь ему просто нужно было немного больше времени, чтобы появиться в Сети.

«Пользователь, страницу которого вы смотрите (@Llamadude), не выходил в Сеть 90 дней. Хотите возобновить связь?»

Я ждала подтверждения. И оно наконец пришло в виде некой ссылки, некой сложной цепочки кодов, которую подсократили в соответствии с требованием Твиттера: не более 140 знаков.

@Llamadude кинул вам ссылку.

Я кликнула указанный адрес. Экран опустел, и мне на мгновение стало страшно; я подумала: «Наверное, какой-то вирус». Затем появился курсор в виде песочных часов, и я поняла, что надо подождать, пока загрузится картинка. Это заняло несколько минут; затем в верхней части экрана появился текст, и я поняла, что это ссылка на чью-то страницу в GoogleEarth. А потом появилась картинка: это была фотография, сделанная с высоты птичьего полета. Я разглядела дом, несколько деревьев, речушку…

«Да ведь это же мой дом!» – догадалась я.

Мой дом, сфотографированный в один из тех дней, когда листва на деревьях начинает менять окраску. И моя машина припаркована у ворот. И дальше, на краю лужайки, на земле, лежит какой-то яркий предмет, блестя в солнечных лучах…

Это, конечно же, был мотоцикл Чарли. Тот самый, на котором он ехал в день своей гибели. И теперь я совершенно точно вспомнила, когда был сделан этот снимок: в сентябре 2009 года, как раз перед началом его учебы в колледже. Тогда у нас над головой пролетал какой-то вертолет – его тень так и осталась на фотографии; а мы с Чарли сидели вон там, в тени больших деревьев. И если хорошенько вглядеться, то сквозь густую листву вы, возможно, сумели бы нас увидеть – две крошечные фигурки, исполненные надежды и застывшие в вечности.

Я вдруг почувствовала, что меня бьет озноб. Зачем он послал мне эту фотографию? Никакой записки при ней не было, не было даже смайлика. Что он пытался мне сказать? Что не стоит считать его исчезнувшим навсегда? Что я каким-то образом смогу поддерживать с ним связь?

Я просидела перед компьютером всю ночь. Боялась, что если выйду из Сети или переключусь на другую страницу, то эту мне больше никогда не найти. Я немножко поспала, сидя на стуле, съела сэндвич, проверила почту и заглянула в

Твиттер, обнаружив, что могу это делать, не теряя связи с Чарли. Весь следующий день, а потом и ночь я опять провела за компьютером, ожидая дальнейших указаний. А там, за стенами моего дома, дни и ночи мелькали, точно слившиеся в одну полосу окна мчащегося поезда.

Несколько дней назад ко мне заехала мать. Я слышала, как она стучится в дверь, но так ей и не открыла: мне не хочется оставлять компьютер без присмотра. Вскоре мать ушла. Но до сих пор время от времени пытается мне звонить, только я никогда не беру трубку.

После смерти Чарли прошло сто дней. Почти все мои фолловеры исчезли. Но теперь меня это почти не заботит – ведь Чарли по-прежнему со мной. Правда, у меня слегка кружится голова, когда я встаю из-за стола. Наверное, ем маловато. Впрочем, у меня и аппетита-то совсем нет. Но мне очень помогает, когда я смотрю на фотографию, присланную Чарли, где наш дом сфотографирован с высоты птичьего полета – словно некий ангел сделал этот снимок на память о том, что он так любил …

И когда мне удается как следует сосредоточиться, я порой могу поверить в то, что фотография немного изменилась: в левом дальнем углу появилось какое-то неясное пятно, а среди деревьев промелькнуло что-то цветное. И потом, разве мотоцикл Чарли не лежал на краю лужайки? А теперь он стоит, прислоненный к стене. Разве раньше так было? Да нет, я уверена, что раньше он лежал на земле!

«Пользователь, страницу которого вы смотрите (@Llamadude), не выходил в Сеть 120 дней. Желаете возобновить связь?»

;-)

Дождливые воскресенья и понедельники

Некоторые люди особенно чувствительны к атмосферным явлениям. В том числе и я. В яркие солнечные дни творческая энергия во мне бьет ключом; а когда погода скучная, серая, дождливая, я иной раз и одно предложение напечатать не в состоянии. Обычно я борюсь с подобной сезонной летаргией, зажигая яркую

лампу над рабочим столом и одеваясь в веселые тона; но и это помогает мало, и дождливые дни продолжают нагонять на меня тоску.

Наверное, кому-то нужно выполнять функции бога дождя. Хотя в те времена, когда некто составлял меню погодных явлений, этот некто мог бы хоть на минутку задуматься, каково будет тем, на кого эти погодные явления обрушатся, и насколько это приятно – день за днем жить под дождем и летом, и зимой, и утром, и ночью. Хотя, если по справедливости, то в понятие «погодные явления» следует включить все разновидности осадков: снег, слякоть, морось, мелкий дождичек и внезапный ливень, шотландский туман и лондонский смог, апрельские грозы, вихри, смерчи, тропические муссоны и, разумеется, старый добрый дождь – легкий, умеренный, сильный и все прочие возможные его разновидности.

Но кто-то же должен всем этим заниматься; и в данной местности в течение последних, скажем, пяти тысяч лет этим занимался именно я.

Разумеется, в разных странах у меня и обличья разные. В дождевых лесах Южной Америки я существую в ипостаси Чака[27 - Чак, что значит «топор», первоначально был богом рубки деревьев и расчистки участков под поля, а позже стал божеством дождя, полей и растущей кукурузы.] – бога дождя и молнии у индейцев майя или Тлалока[28 - Тлалок, что значит «заставляющий расти», был повелителем всех съедобных растений и лишь позже стал богом дождя.] – ацтекского бога дождя и грома, мужа богини всех вод, морей и рек Чальчшутликуэ[29 - Чальчшутликуэ, что значит «она в нефритовой одежде», богиня всей пресной воды, а также морей и рек.]; в некоторых африканских странах меня называют Хевиосо[30 - Хевиосо (Со) – в дагомейской мифологии андрогинный бог-громовник, глава пантеона, он посылает жару и дождь, дарует людям и полям плодовитость и плодородие.] – хранитель небесной засухи; в Австралии я – Бара, божество муссона, вечно враждующее с иссушающим ветром Мамаригой. Я видел драконов в Китае и ками[31 - Камимусуби (ками) – буквально «бог божественного производства» или «божественный дух» – один из трех зачинателей творения.] в Японии; в обличье Повелителя Дождей Ю Ши[32 - Ю Ши – в китайской мифологии с древнейших времен «повелитель дождей», позже обретший вид могучего военачальника в желтых доспехах и с черной бородой, который в левой руке держит чашу с драконом, а правой разбрызгивает дождь.] в эпоху Желтого Императора я победил Хуан Ди[33 - Хуан Ди, «желтый предок», «Желтый Император» – в китайской мифологии

культурный герой и одновременно олицетворение магических сил земли; обладает чертами, роднящими его с драконом.]. Я был Таранисом-Громовником[34 - Таранис – кельтский бог грома и небесного огня, бородатый великан, держащий в руках колесо или несколько спиралей.] и Энлилем[35 - Энлиль, «владыка-ветер» – один из главных богов шумеро-аккадского пантеона, божество плодородия и жизни, а также необузданной стихийной силы; больше всех виноват во Всемирном потопе, ибо люди его раздражают, и он насылает на них попеременно разные бедствия; впоследствии принял облик типичного умирающего и воскресающего бога, создавшего мотыгу, богов скотоводства, скот и зерно.] – Проращивателем ячменя; я был Тритоном[36 - Тритон – морское божество, сын Посейдона, помогший аргонавтам во время бури выплыть в море и подаривший им ком земли, который впоследствии стал островом Каллиста.] – Утишителем Бурь. Меня почитали и любили, мне поклонялись, меня благословляли, меня проклинали и умоляли, на меня пытались воздействовать с помощью магии.

В настоящее время я просто изо всех сил стараюсь, так сказать, соблюдать сухой закон.

Видите ли, довольно тяжело быть богом дождя, когда твоя лучшая пора уже миновала. В былые времена дождь действительно имел значение – зимние бури вызывали священный трепет, летние ливни становились поводом к празднику. А в наши дни у этих предсказателей погоды, метеорологов, все схвачено. Достаточно просто посмотреть в окно, увидеть, что люди идут в плащах, раскрыв над головой зонты, и, пожав плечами, сказать про себя: опять дождь, ну и ладно.

Мне, конечно, «повезло»: просто невозможно выбрать более отвратительное место для жизни, чем Манхэттен. В Нью-Йорке вообще никто ничего не замечает; там с тротуаров после дождя удаляют скользкую грязь, а, скажем, гром и молния воспринимаются как часть некоего светового шоу, которое в этом огромном городе продолжается 24 часа в сутки. И все-таки даже в Нью-Йорке люди чувствуют мое присутствие – на каком-то подсознательном уровне, наверное; при моем приближении у них портится настроение, они с кислым видом поднимают воротник, растерянно поглядывая на небо, особенно когда за один день выпадает месячная норма осадков, а то и в два-три раза больше.

Я торчу здесь уже двенадцать месяцев. В два раза дольше, чем где бы то ни было; я не люблю подолгу жить на одном месте. Хотя в целом Нью-Йорк меня, как ни удивительно, вполне устраивает: мне нравится смотреть, как неоновые огни рекламы просвечивают сквозь залитые дождем окна моей маленькой двухкомнатной квартирки на четвертом этаже; мне нравится душный, чуть кисловатый запах мокрой пыли на тротуарах после короткого летнего ливня; нравится мощный треск электрических разрядов, когда молнии бьют прямо в громоотводы на крышах небоскребов; нравится легкий пушистый снежок зимой…

В настоящее время я зовусь Артур Плювиоз[37 - Pluvi?se(фр.) – «дождливый», пятый месяц республиканского календаря.]. Звучит как-то по-французски, как с некоторым неодобрением утверждает хозяин моей квартиры. И я объясняю (вполне правдиво), что никогда даже не был во Франции (хотя слышал, что одно из моих воплощений по-прежнему живет в Париже – так уж случилось; теперь он танцует в кабаре, выступает в мокрых, прилипших к телу майках под псевдонимом Reine Beaux[38 - Reine Beaux(фр.) – Прекрасный Ферзь, что созвучно с «Рэмбо».]). Сам же я нигде не работаю. Пока что мне вполне хватает того, что удалось заработать, помогая одному шарлатану из южных штатов, якобы умевшему вызывать дождь; этот тип, закоренелый мошенник, возомнил о себе бог знает что и в итоге прошлым летом сошел с ума – после того, как его визит в маленький фермерский городок Дьютерономия[39 - Deuteronomy(англ.) – Второзаконие, пятая книга законов из Моисеева Пятикнижия.], расположенный в штате Канзас, закончился совершенно ненормальными ливнями, не прекращавшимися полгода.

Я все еще с ностальгией вспоминаю и этот городок, и те сверхъестественные ливни, последние в своем роде. Кукурузу и прочие зерновые смыло с полей напрочь; облака висели так низко, что едва не касались земли; гром в небесах грохотал, как товарный поезд. Такими незаурядными деяниями вполне можно было гордиться; можно было гордиться этими новыми широкими пространствами, ступая по этим опустошенным землям как их хозяин, а не жалкий их раб…

А вот Нью-Йорк – совсем другое дело. Хотя сперва я этого толком не понял. Мне этот город показался очередными «каменными джунглями», где вместо деревьев – огромные блочные строения, сплошное стекло и бетон, потемневшие от дождя; где над витринами магазинов в потоках льющейся с неба воды нервно мигает неоновая реклама; где люди в почерневших от влаги плащах бегут по

улицам, низко опустив голову и глядя себе под ноги; где лишь изредка над темной толпой игриво качнется колючее колесо пестрого зонта. О да, думал я, все это я уже видел и раньше. Лондон, Москва, Рим – все большие города под дождем одинаковы. Да и все люди тоже.

А потом я встретил ее. Ту девушку. Вы знаете, кого я имею в виду. Я и до этого видел ее из пару раз из окна; ее невозможно не заметить – она выделяется в любой толпе. Волосы до пояса; глаза, как море; и даже в дождь в легком желтом платьице.

На этот раз она остановилась возле моего дома, надеясь укрыться от дождя в вестибюле. Случайное совпадение, знаете ли. А я как раз случайно спускался по лестнице и случайно ее увидел – она выглядела промокшей насквозь и горько плакала. Ну, я и отвел ее в свою пустую маленькую квартирку со шторами, серыми, как дождевые струи, и серым, как дождевая туча, ковром; потом предложил ей облачиться в один из моих теплых свитеров и приготовил для нее чашку чая с лимоном.

– Проклятый дождь! – с чувством сказала она.

Я подал ей полотенце, чтобы она просушила мокрые волосы. Она была натуральной блондинкой – волосы, как солнце, когда оно вдруг выглянет из-под грозовой тучи. А имя у нее было какое-то, по-моему, иностранное[40 - В скандинавской мифологии богиню солнца звали Соль, «солнце», а у континентальных германцев – Сунна.] – шведское или что-то в этом роде, – хотя друзья называли ее Санни[41 - Sunny(англ.) – «солнечная».]. На подоле ее желтого платья были вышиты маленькие ромашки – впрочем, может, это были самые настоящие ромашки, не вышитые, не знаю, – а на ногах – летние веревочные сандалии, зеленые такие. В общем, я тут же в нее влюбился. Любовь – трах-ба-бах! – обрушилась на меня ни с того ни с сего, точно гром среди ясного неба.

– Проклятый дождь!

– Да, дождь действительно идет, – согласился я, – но вам следовало взять с собой зонтик.

– А у меня нет зонтика!

– Прошу вас, выбирайте любой! – И я с удовольствием распахнул дверцы гардероба, демонстрируя его содержимое.

Некоторое время Санни молчала, рассматривая мою коллекцию, и ее голубые глаза раскрывались все шире и шире.

Ну, зонтов у меня, пожалуй, действительно очень много. Разных. Есть черные с тиковыми ручками и шелковые с ручками из слоновой кости; есть скромные и очень удобные складные синие зонтики, которые можно даже в карман сунуть, и фривольные сочно-красные, почти неприличные; есть детские зонтики с пучеглазыми лягушатами; есть прозрачные, куполообразные, чем-то похожие на медуз; а есть зонты, украшенные произведениями искусства (кувшинками Моне, маленькими человечками Лоури, красавицами Модильяни с темными, как терн, глазами); психоделические английские зонты могут, например, быть совмещены с клюшкой для игры в гольф, а американские украшены цветами различных университетских студенческих братств; есть также шикарные французские зонтики с надписью «Merde, il pleut!»[42 - «Вот дерьмо, какой дождь!» (фр.).].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhoann-harris/koshka-shlyapa-i-kusok-verevki-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В русском издании «Чай с птицами», издательство «Эксмо», 2010. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

«Врачи без границ» (фр.).

3

В этом месте так называемая Впадина Конго имеет ступенчатое строение, и порожистые участки чередуются со спокойным течением, а русло представляет собой цепочку озеровидных расширений, самое большое из которых, Малебо, имеет в длину 30 км, а в ширину 25 км; оно разделено островом Баму на два рукава с мелкими островками и отмелями; как раз у юго-западной оконечности Малебо и расположены Киншаса и Браззавиль. Здесь, в нижнем течении Конго, вода падает с высоты 270 м, образуя 70 порогов и водопадов («водопады Ливингстона»), и с бешеной скоростью устремляется к океану, опресняя в нем воду на 75 км от берега.

4

«Пороги» (фр.).

5

Обед из трех блюд и рис (фр.).

6

Усач – catfish (англ.) – сом, а также его разнообразные разновидности.

7

Faith – вера; Hope – надежда (англ.).

8

Кингз-колледж – один из наиболее крупных колледжей Кембриджского университета, славящийся своей церковной капеллой; основан в 1441 г.

9

Один из наиболее популярных приморских курортов неподалеку от Лондона.

10

«Черная» трасса на горном спуске (фр.).

11

Кэри Грант (1904–1986) – знаменитый американский актер, прославившийся ролями в фильмах А. Хичкока.

12

Имена главных героев знаменитого фильма Д. Р. Хилла «Буч Кэссиди и Санденс Кид» (1969), которых сыграли П. Ньюмен и Р. Редфорд.

13

Диптих (фр.).

14

«Белое Рождество» (1954) – американская музыкальная комедия по мюзиклу И. Берлина; «Жизнь чудесна» (1947) – фильм американского режиссера Фрэнка Капры в стиле «социальной комедии», посвященный жизни в США в эпоху кризиса 30-х годов.

15

«Пусть идет снег» (англ.).

16

Еженедельная эстрадная телепередача, в которой главные роли исполняют комики Эрик Моркам и Эрни Уайз; идет на Би-би-си с 1968 г.

17

Эту фамилию можно перевести, как Беззаботная.

18

Стоун равен 6,34 кг.

19

Джеймс Стюарт – американский актер, в кино с 1935 года; играл мужественных «стопроцентных» американцев; лауреат нескольких премий, в том числе «Оскара» (1940); неоднократно входил в список наиболее популярных актеров США.

20

В русском издании – «Мальчик с голубыми глазами», издательство «Эксмо», 2011.

21

Букв. «неадекватный пижон» (англ.).

22

Одно из излюбленных выражений Дж. Харрис, созданное по аналогии с «богом из машины» – драматургическим приемом, применявшимся в античной трагедии, когда запутанная интрига получала разрешение благодаря вмешательству бога, который с помощью механического приспособления появлялся на сцене.

23

Oh, my God! (англ.) – компьютерный жаргон: «О, боже мой!»

24

Эрвин Шрёдингер (1887–1961) – австрийский физик-релятивист, один из создателей квантовой механики; создатель «уравнения Шрёдингера» – основного уравнения нерелятивистской квантовой механики; автор многочисленных работ по биофизике, теории относительности и др.

25

«Отверженные», роман В. Гюго.

26

Рене Магритт (1898–1967) – бельгийский художник-сюрреалист.

27

Чак, что значит «топор», первоначально был богом рубки деревьев и расчистки участков под поля, а позже стал божеством дождя, полей и растущей кукурузы.

28

Тлалок, что значит «заставляющий расти», был повелителем всех съедобных растений и лишь позже стал богом дождя.

29

Чальчшутликуэ, что значит «она в нефритовой одежде», богиня всей пресной воды, а также морей и рек.

30

Хевиосо (Со) – в дагомейской мифологии андрогинный бог-громовник, глава пантеона, он посылает жару и дождь, дарует людям и полям плодовитость и плодородие.

31

Камимусуби (ками) – буквально «бог божественного производства» или «божественный дух» – один из трех зачинателей творения.

32

Ю Ши – в китайской мифологии с древнейших времен «повелитель дождей», позже обретший вид могучего военачальника в желтых доспехах и с черной бородой, который в левой руке держит чашу с драконом, а правой разбрызгивает дождь.

33

Хуан Ди, «желтый предок», «Желтый Император» – в китайской мифологии культурный герой и одновременно олицетворение магических сил земли; обладает чертами, роднящими его с драконом.

34

Таранис – кельтский бог грома и небесного огня, бородатый великан, держащий в руках колесо или несколько спиралей.

35

Энлиль, «владыка-ветер» – один из главных богов шумеро-аккадского пантеона, божество плодородия и жизни, а также необузданной стихийной силы; больше всех виноват во Всемирном потопе, ибо люди его раздражают, и он насылает на них попеременно разные бедствия; впоследствии принял облик типичного умирающего и воскресающего бога, создавшего мотыгу, богов скотоводства, скот и зерно.

36

Тритон – морское божество, сын Посейдона, помогший аргонавтам во время бури выплыть в море и подаривший им ком земли, который впоследствии стал островом Каллиста.

37

Pluvi?se(фр.) – «дождливый», пятый месяц республиканского календаря.

38

Reine Beaux(фр.) – Прекрасный Ферзь, что созвучно с «Рэмбо».

39

Deuteronomy(англ.) – Второзаконие, пятая книга законов из Моисеева Пятикнижия.

40

В скандинавской мифологии богиню солнца звали Соль, «солнце», а у континентальных германцев – Сунна.

41

Sunny(англ.) – «солнечная».

42

«Вот дерьмо, какой дождь!» (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhoann-harris/koshka-shlyapa-i-kusok-verevki-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить